

Антон Краснов

Семь отмычек Всевластия

Сидишь, никого не трогаешь, и рул — баш! —
шесть импловетов в каком-то штучковике, не считая
козла. И приходится отвечать. Причем за всех.
Иногда — все! И всем...

Семь отмычек Всевластия

Антон Краснов

Семь отмычек Всевластия

2004

Краснов А.

Семь отмычек Всевластия / А. Краснов — 2004 — (Семь отмычек Всевластия)

Трое школьных друзей прекрасно проводят время на даче самого крутого из них – Коляна Ковалева. Конец мая, теплынь, травка зеленеет, водочка потеет – благодать, словом. И вдруг на тебе: снег повалил. На дачу явились какие-то мужики странного вида, а на дворе у новенького джипа... козел ростом с лошадь бампер обглаживает. Это с затерянной в дальних галактиках Аль Дионны компания бывших земных богов прилетела: Один, или Вотан, Эллер, сын Тора, Альдаир, сын Зевса, дочь Локи, еще двое да козел Тангриснир в придачу. Поставили они себе цель вновь богами на Земле стать. А трое друзей должны им в этом помочь.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	15
Глава первая	15
Глава вторая	25
Глава третья	35
Глава четвертая	42
Глава пятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Антон КРАСНОВ

СЕМЬ ОТМЫЧЕК ВСЕВЛАСТИЯ

ПРОЛОГ

**в котором сказано о том, чего не может
быть, потому что не может быть никогда**

1

Египет, июль 2004 года

– Туз! У меня двадцать одно, я выиграл. С вас тридцать пять евро, господа археологи. Позвольте получить.

– Дьявол! – тоскливо сказал длинный кадыкастый тип, похожий на рано осиротевшего печального аиста. – Как тебе сегодня карта идет, Фабьен. Просто черт знает как идет!

– Да уж, – поддержал его коллега, – Фабьен сегодня в ударе. Впрочем, не везет в картах, повезет в любви.

– Ему? С тобой, что ли? – буркнул Фабьен, кивнув на длинного археолога и загребая деньги.

Несмотря на удачу, Фабьен вовсе не выглядел ошастливленным. Выигравшая персона представляла собой массивного мужчину лет тридцати, который, однако же, успел обзавестись лысиной и приличным брюшком, в эквиваленте женской беременности тянувшим этак на восьмой месяц. Впрочем, Фабьен нисколько не смущался этим, напротив, упомянутое брюшко было его главной ударной силой. Вот и сейчас он толкнул им похожего на аиста археолога так, что тот отскочил, спружинив мощно, как от батута.

«Аист» покачнулся и еле устоял на ногах, размахивая руками и оскверняя душный египетский воздух деликатной французской бранью. Фабьен принужденно рассмеялся, обнажая белые, тесно посаженные зубы (два передних были посажены набекрень, наехав один на другой).

– С кем тут в любви повезет? Торчим в этих песках третий месяц. Если честно: я уже согласен на потную египтянку. Хоть и терпеть не могу арабов, – пробурчал он.

– Конечно, – поддакнул ему археолог, который носил пышное мушкетерское имя Луи-Арман д'Орбины. – Правда, тебе, Фабьен, придется поднатужиться, чтобы одолеть жаркую египтянку. Ты ж привык к холодненькому, – он хитро подмигнул, – ведь правда, что твоей последней любовницей была какая-то русская, когда ты ездил на конгресс археологов в Москву? И что тебя туда послали?.. Лучше б уж меня.

Фабьен засопел.

– Нет, ты отвечай, Фабьен, – настаивал Луи-Арман.

– А скажи, – поддержал сплетника печальный «аист» и даже пощелкал «клювом» – длинной нижней челюстью, выпяченной так, как будто он всю жизнь тренировался над правильным произношением английского «th» (при котором язык с силой упирается в нижний ряд зубов), – в самом ли деле в Москве жуткий холод и пьют водку...

– Медведи в шапках-ушанках и валенках ходят по Красной площади и распевают «Калинку-малинку», – скептическим тоном продолжил Фабьен. – Глупости какие! Вы это еще

Пелисье скажите, он вам устроит! Ты лучше тасуй колоду, Робер, – кивнул он длинному археологу, – твой черед банковать. Может, отыграешься.

Но у Робера-аиста был такой обреченный вид, что и завзятому оптимисту стало бы ясно, что отыграться ему не удастся. И не важно, какие причины будут стоять у истоков этой предугадываемой неудачи.

Впрочем, не повезло не одному Роберу. В тот момент, когда уклончивый Фабьен ловко сбивал своих товарищей с темы, которая едва ли импонировала ему, появился глава археологической партии, сам Жан-Люк Пелисье – весьма громоздкая персона, впрочем перемещавшаяся в пространстве с удивительной легкостью и бесшумностью. Два последних качества и послужили тому, что Пелисье возник за спинами своих сотрудников именно тогда, когда Фабьен призывал метать банк. Некоторое время он рассматривал своих подчиненных, вверивших себя коварному демону азарта. На породистом лице мало-помалу оформлялось мстительное выражение, уголки губ раздвигались в улыбке, какой позавидовал бы тигр.

При этом глава археологической партии оставался безукоризненно вежлив.

– Прекрасно, господа, – сказал он, отчеканивая каждый слог, насколько это позволяли правила французского языка. – Я вижу, работы в разгаре. На челе нашего общего друга месье Фабьена я даже различаю капли трудового пота. Значит, играете в картишки? Сам люблю. Честное слово, вот сейчас бы присел да и перекинулся с вами по половинной ставке, потому что по полной жалованье не позволяет. А у вас, по всей видимости, и жалованье, и совесть – все позволяет?

– Мы не играли, господин Пелисье, – чопорно произнес Фабьен, делая полноформатно обиженное лицо. – Мы только подумали...

– Отлично! – перебил его Пелисье. – Великолепно, господа, это мне напоминает чудную притчу о трех картежниках разного вероисповедания. Трое караульных – католик, мусульманин и иудей – сели играть в карты. И тут случись мимо проходить офицеру. Они карты под стол и – глаза в потолок: ничего не знаем, ничего не ведаем, блюдем службу. Мимо муха не пролетит, шмель не прожужжит... крокодил не проползет, слон не пробежит. Офицер говорит: «Сдается мне, что вы только что играли в карты!» – «Не играли, господин офицер!» – «Прекрасно! Вот вы, вы поклянитесь на Библии, что не играли!» Католик клянется на Библии, что не играл. Офицер поворачивается к мусульманину и говорит: «Теперь вы поклянитесь на Коране, что не играли». Делать нечего, мусульманин поклялся тоже. Офицер поворачивается к третьему, а тот был как раз еврей, и говорит: «Теперь вы клянитесь на вашем Талмуде, что вы не играли в карты». И слышит ответ: «Господин офицер! Он не играл, и вот он не играл. С кем тогда, по-вашему, мог играть я?»

Робер еще больше вытянул нижнюю челюсть и проговорил мрачно:

– А вот национальности могли и не касаться. Мой уважаемый папа, лионский ювелир...

– Простите, запямятовал, – сухо сказал Пелисье. – Но и вы, согласитесь, совершенно запямятовали о работе. Так что вылезайте из палатки и приступайте к разрезу второго холма. Вы там сильно недоработали.

– Когда копали там в позапрошлом году... – начал было Фабьен, но был безжалостно оборван боссом:

– В позапрошлом году вам платили за позапрошлый год, а в этом году платят за этот! Так что извольте не рассуждать, Фабьен. Думаю, что будет лучше, если мы обойдемся без этих школьных недоразумений, – добавил он более мягким голосом. – А как настанет время ужина, то у меня там в джипе две канистры неплохого вина и еще три бутылки бордо!

Лица археологов заметно оживились. Один Робер проворчал себе под нос вздорную чепуху: дескать, босс привез на раскопки то, что не успел дотпить сам, однако же пухлый увесистый локоть Фабьена – незаметно от окружающих – точно вlepился в бок ворчуна. Робер внутренне охнул и замолчал.

Уже через четверть часа работа кипела.

Для себя Жан-Люк Пелисье, как доверенное лицо Академии наук Франции, занимающееся раскопками по особому циркуляру Египетского археологического общества, копать считал излишним. Он удовлетворился тем, что пять минут наблюдал работу коллег. После этого вернулся в машину, на которой приехал, поставил диск Милен Фармер и, время от времени попивая из прохладной фляги, задремал. В джипе работал кондиционер, было прохладно, и сухое колючее дыхание египетских песков не могло коснуться главы археологической партии. Он заснул.

В то же самое время уязвленный Робер развлекался тем, что сгребал лопатой песок, извлеченный из холма Фабьеном, и бросал под ноги Луи-Арману; последний мало был склонен терпеть это попустительство и потому отбрасывал песок туда, откуда его брал Фабьен. Так замыкался круг. Работа кипела. Толку, конечно, было немного, но какой смысл искать толк в том, что изначально бестолково? Какой смысл рыть холм, гарантированно не содержащий ничего исторически ценного? И Фабьен, и Луи-Арман, и Робер знали это доподлинно, потому что были здесь на раскопках в позапрошлом году и буквально в ста метрах от этого холма, чей склон они сейчас истязали своими лопатами, нашли впечатляющую мастабу^{note 1}, относящуюся ко второму тысячелетию до нашей эры. В мастабе было пять погребальных шахт, ни в одной из которых, однако, не оказалось ни саркофагов, ни мумий, ни ритуальных принадлежностей, характерных для верований древних египтян. Без сомнения, гробница была разграблена еще в глубокой древности, как это часто бывало с захоронениями тех эпох. Однако же археологами были вскрыты пласты на значительной площади вокруг обнаруженного объекта. Уж кто-кто, а Фабьен прекрасно помнил эти раскопки. Тогда Жан-Люк Пелисье, бывший еще помощником руководителя партии, напился до такой степени, что выдавал себя за мумию некоего Ни-Несу-Усерета, чиновника при фараоне Рамсесе II. В доказательство своей мумийной сущности он обмотался бинтами, обрил голову и в таком виде дико ревел, клокотал и выл в одной из шахт гробницы. Фабьену пришлось вынимать его оттуда, при этом «мумия» кусалась, лягалась и плевалась, как заправский верблюд.

Жан-Люка Пелисье простили, приняв во внимание смягчающие обстоятельства: радость столь ценной находки, затем – день рождения самого Жан-Люка, дата которого пришлась точно на день открытия, ну и, наконец, приняли во внимание кровь «мумии» (по матери он был русским, а что взять с этих «crazy Russian»?..) Пелисье-то простили, а у страдальца Фабьена еще долго болело прокушенное ухо и ныли ребра, в которые «мумия Ни-Несу-Усерета» колотила своим могучим древнеегипетским локтем.

А теперь – каково издевательство! – Фабьен должен рыть холм, пять раз перекопанный два года назад, а «мумия», удачно выкарабкавшаяся в начальники экспедиции, сидела в джипе и ничего не делала, как и положено истинно мумифицированному организму.

Впрочем, в глубине души и толстый Фабьен, и мушкетер Луи-Арман д'Орбиньи, и сын лионского еврея-ювелира Робер сознавали, что попали в синекуру. На курорт. Получают деньги за работу, уже выполненную два года назад, а если бы не ушлый полурусский, то не миновать бы им настоящих раскопок, полных труда и даже лишений. К слову, в последнее время Фабьен чаще держал в руках коктейль со льдом, чем заступ: еженедельные выезды в Каир и города поближе позволяли такое.

При этом Пелисье умудрялся выбивать еще и премии. Жан-Люк на полную катушку использовал свои смекалистые русские гены.

Первым не выдержал Робер – самый ленивый во всей партии. Остальные, впрочем, тоже от него не отставали. Но если Луи-Армана поддерживало его французское остроумие, а Фабьен

^{note 1} Мастаба – древнеегипетская гробница знати, состоящая из надземной части, колодца и погребальной камеры (одной или нескольких) – Здесь и далее примеч. авт.

был добродушен, как все пузатые толстяки, то Робер ничем не мог завуалировать свое явное желание отвертеться от работы и потому демонстрировал это, вопя в полный голос.

– Хватит, – сказал он, – довольно. Я не понимаю, к чему все это. Мой папа, лионский ювелир, говорил...

– Ну будет, будет, – лениво оборвал его Фабьен и, прикрывая глаза рукой, посмотрел на заходящее солнце. Лоснящиеся отблесками потоки красноватого света, словно струи священного Нила, накатывались с горизонта. – Нам всем надоело.

– Если бы была настоящая работа... – ныл Робер. – У меня Сорбонна, у меня классическое образование, я бакалавр археологии. Я должен вести научную работу, серьезные и перспективные разыскания. А пересыпать мертвые груды песка, ничего не содержащие, потому что уже исследованы, – это не мое. У меня Сорбонна, у меня...

– Ясно, – снова вмешался Фабьен, широко улыбаясь. – У тебя Сорбонна, у тебя папа лионский ювелир. Это мы уже уяснили давным-давно. Ну, хорошо, – он глянул в сторону и натолкнулся взглядом на выходящего из джипа сонного Жан-Люка, широко зевавшего запрокидывая голову и разводя в стороны руки, словно проделывал гимнастику, – я тоже думаю, что пора сворачивать работу. Если это... кхе-кхе!... можно именовать работой!

– Ага, – кивнул и Луи-Арман.

– Вот только копну еще раз пять – для очистки совести! – заключил Фабьен, энергично беря в руки лопату.

И он принялся чистить свою совесть.

Робер и Луи-Арман, как выяснилось, мало интересовались этим процессом. Они отвернулись и стали поглядывать в сторону походной кухни, над которой принялся священнодействовать поднаторевший в кулинарии Жан-Люк Пелисье. Он одинаково хорошо разбирался и во французской, и в китайской, и в русской, и в грузинской, и в итальянской кухне. Его кулинарные таланты портил лишь один штрих: рослый, осанистый, с прекрасным аппетитом, Жан-Люк мог в один момент уплести все приготовленные блюда вне зависимости от их количества, консистенции и даже качества. Поэтому за начальником археологической партии следовало присматривать, чем и занялись Робер и Луи-Арман.

Фабьен меж тем энергичными взмахами лопаты очищал свою совесть. На четвертом копке лопата зависла, а в голове синхронно проклюнулась мысль: не перетрутился ли он? Впрочем, толстяк встряхнул головой и последний раз с силой вонзил лопату в пустой, ничего под собой не содержащий жаркий песок египетской пустыни.

Натолкнувшись на что-то твердое, лопата заскрежетала. Фабьен отдернул руки, словно обжегшись. Робер и Луи-Арман одновременно обернулись.

– Камень, – разочарованно сообщил Фабьен, – скол горной породы. Тут полно таких разбросано. За пять тысяч лет-то.

Но все же, не удовлетворившись собственным объяснением, накинулся на лопату и стал быстрыми, энергичными движениями откидывать песок. Лопата лязгнула несколько раз. Фабьен опустил на колени и стал работать уже в таком положении. Потом он наклонился вперед и опустил голову в образовавшуюся ямку.

– Там ничего не может быть, – печально констатировал за его спиной человек-аист, – потому что тут все перерыто десять раз и на три метра в глубину. После находки-то той мастабы... А как же иначе? Если бы я руководил той экспедицией, я поступил бы еще основательнее...

Луи-Арман скривился. Впрочем, его лишили удовольствия выслушать бред Робера о том, что бы тот сделал, будь он начальником экспедиции двухлетней давности. Лишил не кто иной, как Фабьен. Он поднял побагровевшее, с прилившей к щекам кровью лицо, помассировал пальцами напружиненную шею и только после этого, выдержав паузу, изрек:

– Плита.

– Позвольте, какая плита? – пробормотал Робер, встав на одну ногу и теперь уж совершенно уподобившись своему пернатому прототипу. – Какая плита? Сюда плиты завозили? Нет, в трех километрах отсюда строили бордель для туристов, это правда, туда плиты возили, но чтобы уронить сюда одну и закопать...

– Плита, – повторил Фабьен, – то есть я хотел сказать – камень, тесаный камень! Уж что-то, а камень древнеегипетских зодчих я отличу от нашего железобетона.

– Откуда? – подступил и Луи-Арман. – Камень? Ты что, Фаби, хочешь сказать, что это камень древней гробницы? Но ведь тут еще недавно ничего-ничегошеньки не было, и мы же все проверяли, тщательно проверяли! Или гробницы – они, извини меня, словно грибы растут каждые два года? Только гробница не грибница, сам понимаешь.

Фабьен, пытаясь, уже стоял в яме, и оттуда густыми, разлетающимися по ветру веерами выбрасывался песок. Луи-Арман не выдержал и, прыгнув к коллеге, стал помогать. Робер постоял, трусливо ежась, а потом крикнул:

– Жан-Люк! Жан-Люк! Идите сюда! Тут они что-то нашли.

– В прошлый раз, – весомо изрек Пелисье, – они тоже что-то нашли, правда, это оказался старый верблюд, которого они хотели приспособить непонятно для каких нужд, а вместо этого он сожрал весь провиант, сжевал край палатки, нагадил в инструменты и был таков.

– Да нет. Верблюд тут ни при чем. Он что-то отрыл, Фабьен что-то открыл!

– Гробница! – прохрипел Луи-Арман, выпрыгивая из ямы. – Гробница, мы уже дорылись до входа!

Руководитель археологической партии неторопливо приближался, взвешивая на руках два окорока, которые он собирался приготовить с соусом и пряностями. Хорошо поставленным зычным голосом он проговорил:

– Господа, кажется, не моя, а ваша мать была русской! Так выходит, что у вас все не к месту. Когда нужно поработать, вы валитесь в тень, как опившиеся на водопое буйволы. Когда даже солнце склоняется... склоняется к тому, что пора ужинать, вы входите в раж и начинаете вгрызаться в многострадальную матушку-Землю. Полноте! Канал все равно уже выкопан.

– Канал не канал, а гробница нами выкопана! – торжественно объявил Фабьен. – То есть будет выкопана.

Пелисье прыгнул в уже существенно расширенную яму. Его инстинкт археолога победил даже гастрономические аппетиты, особо остро пробуждавшиеся к вечеру. Он швырнул окорока на руки оторопевшему Роберу и, подхватив свободную лопату, принялся рыть. Потом вдруг упал на колени и стал сдвигать песок с проступивших иероглифов.

– Та-ак! – протянул он. – Здесь похоронен знатный вельможа. Мы дорылись до его стелы. Откуда он тут взялся, ведь не было его? Впрочем, это не так уж и важно. Пропустили в прошлый раз! Ясно! Та-ак! Значит, вот что. Работы тут вагон и маленькая тележка, как говорят в России. Сами понимаете: чтобы добраться до колодца, придется вволю попотеть. А колодец наверняка заложен камнями, так что не исключено, что мы сами и не справимся. Точнее, наверняка не справимся, придется вызывать механизированную партию. Нечего сегодня пороть горячку, надрываться. И потому, как говорил мой почти что соплеменник фельдмаршал Кутузов, повздоривший с другим моим почти что соплеменником Наполеоном: «Властью, данной мне царем и отечеством, повелеваю отступление».

Сказал он это, естественно, по-французски, но и Михаил Илларионович, да будет сие известно просвещенному читателю, на совете в Филях говорил только по-французски. Тогда было так принято между российской знатью. Затем, отогнав своих людей от обнажившейся надгробной плиты, Жан-Люк стянул с головы ярко-желтую панаму и, отерев ею выступивший на лбу пот, проговорил теперь уже на довольно чистом русском языке, не зная еще, что присвоил фразу из известного советского фильма:

– Шьёрт побьери!

Наутро прибыла вызванная Жан-Люком Пелисье механизированная археологическая партия. Собственно, всей механизации в ней и было-то, что подъемный кран и машина, способная продувать песок сильнейшим напором сжатого воздуха. Никакого экскаватора. «Экскаватор в археологии, – говаривал Пелисье, – это все равно что кочерга в заднице. Ломать – не строить, одним словом!»

Через два дня удалось очистить погребальную шахту от камней и проникнуть в собственно подземную камеру, где, к радости археологов и особенно первооткрывателя Фабьена, обнаружился совершенно не тронутый саркофаг. Жан-Люку хватило одного взгляда, чтобы понять, что тяжелой каменной крышки не касался никто с тех пор, как мумия была уложена в саркофаг.

Ученые с удовольствием убедились, что все керамические фрагменты и все иероглифы на стенах полностью сохранились. По первоначальным прикидкам удалось установить, что здесь похоронен некто Тот-Ковлув, или Тот-Кивлав (как известно, в египетском письме нет гласных). Этот безгласный египтянин был знатным вельможей при фараоне Рамсесе II сыне его фараоне Мернептахе. Даже при самом беглом осмотре было ясно, что все в гробнице осталось нетронутым. Жан-Люк Пелисье довольно потирал руки. «Отлично, – думал он, – теперь осталось вынуть этого древнеегипетского молодца из его обиталища и внимательно изучить. В гробнице наверняка полно золота. Впрочем, золото все равно придется сдать в музей. Высший совет по древностям АРЕ тщательно за этим следит... а вот славу в музей не сдашь! Откровенно говоря, славой придется поделиться с этим Фабьеном, который неожиданно для меня, да и для себя, я думаю, тоже, проявил такую прыть. Браво! Непонятно, правда, откуда только взялась эта гробница? Как проглядели? Ведь два года назад разрыли и просеяли тут, кажется, каждую песчинку... после того как нашли ту мастабу с пятью погребальными камерами! Думали, что еще найдем, и не нашли. А тут Фабьен, поди ж ты, нарыл!»

В погребальную камеру проникли эксперты, взявшие пробу биологического материала. Проще говоря, они разбинтовывали покойничка и отщипывали фрагмент кожного покрова. Процедура, откровенно говоря, не способствующая эстетическому взгляду на жизнь и особенно на смерть, потому Жан-Люк Пелисье занялся осмотром иероглифических надписей на стенах и изучением образцов древнеегипетской керамики. Фигурки ушебти, которых в гробнице оказалось около ста, также привлекли пристальное его внимание. Он совершенно углубился в работу и очнулся оттого, что кто-то тряс его за плечо и неистово вопил на одной ноте, как кот, которому отдавали известный фрагмент мужской анатомии.

– Что? – повернулся Пелисье.

– Месье Пелисье, саркофаг открыт. Там нашли несколько фигурок ушебти из чистого золота...

– Мррр-м, – промурлыкал Жан-Люк.

– ...но не в этом фокус. Фигурка одна какая-то странная. Я всю жизнь занимаюсь археологией Древнего Египта, а такой не видывал. Пойдите взгляните. Вы ведь специалист по ушебти.

Ушебти, как известно из курса средней школы, представляют собой фигурки из глины и иных материалов, снабженные сельскохозяйственными орудиями. Ушебти – «ответчик». Небольшая фигурка помещалась в гробницу с целью заменить покойного тунеядца в работах на полях Иалу. Когда покойный призывался на работы, ушебти должен был ответить за него: «Я здесь!» и отправиться в поле. Такое несправедливое разделение труда, видимо, несколько не смущало древних египтян, потому как изготавливали они ушебти из дерева, глины, керамики или золота в огромных количествах.

Жан-Люк на своем веку повидал массу «ответчиков». Некоторые из них не были антропоморфны, проще говоря, совершенно не походили на людей, больше напоминая коряги или пни, из которых, как усики или побеги, торчали топоры, косы, цепи и заступы.

Но такой фигурки ушебти, что вынули из саркофага египетского вельможи, он еще не видывал. Собственно, это была и не фигурка даже. Голова отсутствовала. Этот ушебти представлял собой странную комбинацию из сплющенного прямоугольного тельца с пупырышками на животе, единственного рога, торчавшего вверх прямо из тела, и сросшихся вместе ножек, способных двигаться вверх-вниз на некоем подобии штырька. Сочлененные конструкции в ушебти – это было что-то новенькое! Жан-Люк смутился.

– Не понимаю, – пробормотал он. – Ушебти, которых кладут в гроб, должны указывать на то занятие, которым вельможа ведал при жизни. А это... черт знает что такое! Рог, пупырышки, плоское тело. Но интересно... очень интересно! А мумия... если такой замысловатый ушебти, мумия может оказаться не менее... а то и более интересной! Где Фабьен? Позовите Фабьена, он лучше всех может распеленать мумию!

– Фабьен не придет, – отозвался сверху насмешливый голос. – Он налакался вина, привезенного тобой из города, и его теперь самого распеленать впору. Спит в твоём джипе. А как же? Первооткрыватель!

– Ну я ему... – начал было Жан-Люк Пелисье, но вовремя вспомнил, каково пришлось бедному Фабьену на прошлых раскопках, когда сам Пелисье принимал ушебти за своих родственников, чудесным образом уменьшившихся до их настоящих размеров. – Я ему... я ему хотел сказать: пусть отдыхает, если так. Только он и без моего позволения обошелся.

И Жан-Люк снова стал вникать в глубинный смысл древних иероглифов, высеченных на стене гробницы. Впрочем, ему помешали опять. Теперь в ухо орали еще более немилосердно:

– Господин Пелисье! Господин Пелисье!

– Ну что на этот раз?

– Мумия, господин Пелисье!

– Ожила? – насмешливо спросил он, но где-то во внутренностях прорвался и пустил леденящие нити мощный источник холода. Против воли стало жутко и истерически весело. Жан-Люк поднялся и направился к саркофагу крупными подскакивающими шагами.

– Рука, господин Пелисье!

Он машинально взглянул на свою руку, крепкую, поросшую густым волосом, с тонкой цветной татуировкой на запястье.

– Да не ваша, – с досадой пояснил эксперт, – вот сюда взгляните.

И он указал на освобожденную от повязок руку мумии, туда, где натянутая желтопергаментная кожа прикрывала верхнюю половину предплечья. Жан-Люк посмотрел сначала невооруженным взглядом, потом через сильную двояковыпуклую лупу. На трехтысячелетней, выдубленной временем коже проступило нечто вроде нескольких пигментных пятен странной формы. Они следовали одно за другим с одинаковыми интервалами, и была какая-то неуловимая закономерность в их построении и контурах. Какая-то давно знакомая, но еще не осознанная до конца. Жан-Люк Пелисье даже застонал, когда мучительное чувство близкой, но неизменно ускользающей догадки, выскальзывающего воспоминания, решения захлестнуло его, ожгло глаза, лоб и переносицу.

– Непонятно, – проговорил он. – Мне кажется, эти пятна искусственного происхождения?

– Древние египтяне практиковали татуировки? – спросил эксперт по биообразцам.

– Да, но... Вообще-то Древний Египет и есть родина тату. Неужели вам не приходилось видеть?... Здесь впервые стали применять иглы и чернила для нанесения знаков на кожу. Сначала животных, а потом и людей.

– А что, татуировка может сохраняться тысячелетия?

– В великих пирамидах в Гизе находили мумии с рисунками на коже. Нельзя сказать, чтобы сохранились они прекрасно, эти рисунки, но разобрать все же было можно. Ммм... Лучше мы спросим у Робера. Я тут больше по организационным вопросам, – неожиданно для самого себя ляпнул Пелисье. – Робер!! Робер! Эй, наверху, позовите там господина Леви!

– Господин Леви, сударь, – ответил тот же насмешливый голос, – вышел из строя, как танкер, севший на мель. Но каков танкер, такова и мель: господин Леви по рассеянности наткнулся на канистру с бензином, упал и вывихнул себе ногу. На ровном месте. И еще вышиб два передних зуба. Тоже о канистру, так уж прихотливо он упал. Ему сейчас оказывают помощь. Так что прийти он никак не сможет, разве что если его спустят на веревке по шахте. Но этого не хотелось бы: нам ведь еще мумию наверх поднимать.

– Юморист! – выдохнул Пелисье. – Прекрасно, разберусь сам. Проклятье! Все у этих ребят не как у людей! Когда они нужны, то немедленно напиваются, вывихивают ноги, сжигают меня со свету. У, дьявол, как говорит в таких случаях бедняга Робер! Вперед, трубачи!

И он впился в руку злополучной мумии таким горячим взглядом, словно желал испепелить ее.

На мгновение Жан-Люк отвлекся от обстановки пыльного, темного, унылого каменного мешка, из углов которого поднимались тяжелые запахи тысячелетий. Пигментные пятна на руке мумии заплясали в глазах, и вдруг строй значков пришел в единообразие. И Пелисье понял, ЧТО обозначено на руке мумии. Он прочел бы это сразу, если бы мог предположить, что здесь, в гробнице, которой почти четыре тысячи лет, можно прочесть ЭТО.

Сначала он стоял выкатив глаза. Потом огляделся вокруг, видимо желая связать обстоятельства, в которых он нашел разгадку, с самой разгадкой. Нет! Надо меньше пить и больше спать, решил Пелисье. Он отвернулся и хотел уже было идти, но непреодолимая сила развернула его массивный корпус обратно так, что шуплый эксперт отлетел в сторону и едва не врезался головой в древнюю стену гробницы.

Но Жан-Люк не заметил. Он неотрывно смотрел на мумию. Потом с силой провел рукой по лбу, как будто удостовераясь, что голова здесь, на своем месте. Он даже прикоснулся к запястью древнего мертвеца пальцем и пробормотал нечто, что показалось эксперту полным бредом и околесицей, не имеющей отношения к происходящему:

– Якорь... так. Ладьи. Погребальные ладьи. Но – якорь? В Древнем Египте был якорь пирамидальной формы, обычный обтесанный камень с отверстием, куда продевали веревку... А так египтяне не знали якоря как такового. И эти значки... Это не иероглифические значки, это... это...

– Вам дурно? – спросил эксперт, которого Пелисье за минуту до того приложил головой о стену.

– Н-нет. Тут просто... дружище, – повернулся он к эксперту, – понимаете, всего этого не может быть, потому что не может быть никогда!!!

– Но...

Пелисье уже было не удержать. Горячая кровь заклокотала в венах. Мозг опьянел от отчаянно бьющейся – невозможной! – мысли. Он подскочил к мумии и, едва не ткнув шуплого эксперта носом в руку мертвеца, прямо в то место, где проступали на коже странные синеватые значки, заорал:

– Я не знаю, кто этот человек в саркофаге, сколько ему лет... но только то, что нанесено у него вот тут, на руке... Ушебти... рог... о я дурак!.. Боже... дурак... не может... никогда.

И он со стоном сел на каменный пол. Эксперт, перепуганный, взъерошенный, кинулся к нему. С перепугу он был мокрый, как новорожденный кролик. Пелисье ворочался на каменном полу в мутной, сизыми хлопьями, испарине, прикипшей к лицу и глазам, как туман. Наконец с помощью эксперта он поднялся на ноги и еще раз взглянул на мумию.

– Вы будете первым, – сказал он, – вы будете первым, кому я это скажу. Я не знаю, как это... Взгляните на это. Знаете, что это? Это татуировка якоря. У моего дяди, моряка советского Черноморского флота, была такая татуировка.

– Но ведь якорь изобрели в глубокой древности, – промолвил эксперт.

– Изобре... Болван!! Спокойно, Пелисье, спокойно, – дернулся он и сам себя погладил ладонью по голове. – Смотри на эту мумию и учись у нее спокойствию. Так вот, уважаемый эксперт, якорь действительно изобрели в незапамятной древности, веков этак шестьдесят назад. Как колесо. У египтян же не было якорей. Они использовали якорные камни, весившие по два таланта, то есть около ста французских фунтов. Полцентнера, проще говоря. Нет, мы можем предположить, что этот древнеегипетский вельможа чужеземного происхождения. Финикиец? Пусть так. Финикийцы знали якорь и умели им пользоваться. Но только те якоря, какие были у финикийцев, не сильно отличались от египетских якорных камней. Здесь, на коже у этого человека, изображен двурогий якорь. Такие – да и то не совсем такие – якоря были в то время только у китайцев. Сложно предположить, что китайский мореход забрался так далеко и даже пробился в вельможи фараона. Но все равно – предположим. Но ведь тут изображено то, что принято называть адмиралтейским якорем!!! И самые-самые дальние его пращуры были изобретены уже в античную эпоху, то есть тысячелетие спустя после того, как вот этого милого господина упаковали в его саркофаг и оставили наедине с собой здесь, в гробнице!!! – Эксперт пыхтел.

– Но это еще не все, – продолжал Пелисье. – Татуировка якоря... ей можно найти объяснение: мол, и не якорь это вовсе. Но вот эти значки – о, знаете ли вы, что это такое? Ведь это не рисунки, не иероглифы, нет! Это – алфавит! Более того, это – кириллица! Кириллицу изобрели в девятом веке нашей эры! Ну хорошо... – вздохмачивая собственные волосы и все больше походя на безумного, кричал Пелисье, – ну хорошо, допустим, что эти значки просто удачно имитируют кириллицу, действительно, откуда ей взяться в Древнем Египте за две тысячи пятьсот лет до того, как родился ее создатель?! Пусть: имитируют. Но ведь они сгруппированы так, что имеют смысл, более того, мне понятен этот смысл!! Послушайте, дорогой... – сказал он таким загробным голосом, что у несчастного эксперта, привыкшего препарировать мумии столь же буднично, как повар чистит на кухне картошку, волосы на голове стали дыбом. – Послушайте, дорогой, вы знаете, что это? Это – язык. Более того – на руке у этого древнеегипетского индивидуума вытатуирована надпись на **СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ** языке, вы это можете уразуметь?

Кажется, и сам Пелисье не мог этого уразуметь. Проговаривая все это вслух, он все больше кривлялся и подпрыгивал вокруг саркофага. Эксперт прижался к стене и мелко стучал зубами. Наверное, если бы мумия встала во плоти и сказала ему утробным басом: «Шалишь, дорогой!» – и то бы он не был так потрясен. Жан-Люк продолжал:

– Более того, я знаком с русским языком и сумел прочесть, что на руке этой мумии, этого черта, этого дьявола, кто бы он там ни был, вытатуировано: «КОЛЯН С БАЛТИКИ»!

Эксперт не понял. Он воспринимал на слух современный русский язык не лучше, чем древнеегипетский. Пелисье, горячась и рвя волосы на и без того изрядно прореженном затылке, объяснил ему смысл надписи, переведя ее на французский и сказав, что у русских моряков, как и у моряков всего мира, есть обычай увековечивать память о военной службе в виде татуировки. Примерно такая же татуировка была у родного дяди Жан-Люка Пелисье, и племянник не мог ошибиться. Его дядя тоже служил на флоте еще в СССР, только не на Балтике, а на Черном море.

– Но откуда, откуда русская надпись на руке этого египетского... этого... этого... Понимаешь, – вдруг жарко надвинулся Пелисье на эксперта, – та фигурка ушебти, золотая, из саркофага... странная, правда? У нее – рог. А на брюхе – пупырышки. И ножки, сросшиеся ножки. Ну вот... рог – это не рог вовсе. Это – антенна! А пупырышки – кнопочки! А сросшиеся откид-

ные ножки – это флиппер, откидная крышечка! А сам ушебти – это отлитая из золота... модель мобильного телефона!!!

Тут эксперт не выдержал и с диким воплем кинулся звать на помощь.

– Кнопочки, рожки, – бормотал Жан-Люк Пелисье, маршируя по погребальной камере и отдавая кому-то честь, – флиппер, откидные ножки... Кнопочки... телефон! Мо-ряч-ки-и-и!!!

Не переставая бормотать, он ходил по камере, непрерывно шаря перед собой руками. В таком виде его отвезли в Каир, а оттуда самолетом в Париж, в сумасшедший дом.

Часть I ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГОВ

*...Но спускаемся мы с покоренных вершин,
Что же делать?*

– И боги спускались на землю.

Высоцкий

Глава первая БЕСКУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТАКТ

1

Пришествие из космоса было банальным, как смятая упаковка кефира в мусорном ведре.

Звездные пустоши, как и водится испокон веку, дышали таким испепеляющим холодом, пронизывающие их иглы света были так тонки и смертоносны, что любая мысль о разумной жизни казалась гнусным фарсом и провокацией. Впрочем, как утверждал двоюродный брат одного из главных героев нижеследующего повествования, космонавт, лично у него выход в открытый космос отчего-то ассоциируется с подгоревшей тушеной капустой. Не следует, однако же, опираться на мнение этого достойного эксперта по космосу, потому что свои последние дни он коротал в психиатрической клинике, где подгоревшая тушеная капуста была как раз основным пунктом в меню.

Космическая КАСТРЮЛЯ приближалась к Земле. По идее, из уважения к космическим путешественникам кастрюлю следовало бы назвать космическим кораблем или, боже упаси, звездолетом. Но уж слишком непохож был этот неуклюжий предмет на филигранно-изысканное – «звездолет».

Звучный голос, полный вибрирующей, гулкой мощи, прогрехотал:

– Прррреркратить немедленно! Ибо приближаемся мы к пределу, сужденному нам вельвой!

Нет, конечно, соглашусь с вами, что звуковые волны не могут распространяться здесь, в безвоздушном пространстве, но так или иначе в ответ прогремел басовитый рык, от которого шарахнулся малогабаритный осколок метеорита и, вписавшись в поле тяготения голубеющей в черном разломе космоса планеты, ухнул куда-то туда.

С явной гнусной целью нарушить нормальную жизнь обитателей этого голубого мира.

А рык продолжался:

– Не пристало мне слушать бредни недостойного этого глупца. Сказал он, что отец мой Тор Одинсон...

– Доколе слушать мне это! – зычно гаркнул третий голос, испущенный глоткой, по могуществу своих вокальных данных много превосходящей первые две, – хриплый, сочный, чуть надтреснутый: – Ужели уваженья нету в вас, окаянных берсерках! Немедля умолкните!

И бесформенный, чуть сплюснутый с боков предмет (космическая КАСТРЮЛЯ) с вихревым радужным цветком пламени, выбивающимся из-под «крышки», с невероятным грохотом рассек атмосферу голубой планеты и ринулся вниз. Туда, где с пугающей быстротой начало нарастать лоно веселого мира по имени Земля.

Россия, май 2004 года

Великолепный майский день догорал. Стынувшее солнце багрово напозало на горизонт, вжималось, тонуло в нем, словно выдавливая из себя алое студенистое месиво. Длинные руки солнца тянулись по поверхности речных вод, нисколько не тревожа все густеющей мошкары.

Все новые легионы мошкар-комариного воинства выныривали из обгорело чернеющих по берегам камышей, выглядящих так нездорово, словно они сидели на пайке наравне с голодающими Замбии и Верхней Вольты.

За рекой шумел луг, густо поросший клевером. По его поверхности пробежали волны, нагоняемые порывами рваного предвечернего ветра. Пасшийся на самой окраине луга одинокий козел сиротливо заблеял, потому как в его убогом мозгу вдруг словно зашевелились ледяные иглы жуткого, дикого, непередаваемого ужаса.

Козел выплюнул пучок травы и, высоко вскидывая задние ноги, споро рванулся к реке.

Казалось, грозы не предвиделось. Небо было безоблачно, только несколько одиноких белесых облачков, полупрозрачных, как нижнее белье женщины нестрогого поведения, плыло в темнеющей майской вышине.

Но вот прокатился грохот – словно раскат грома, странного, хрипящего, надсадного, будто шершавым напильником проводящего по железу. Он нарастал с каждой секундой, и вот в небе блеснуло что-то черное, неимоверно быстрое, шлепнулось на луг, как жаба брюхом о болотную ряску, прокатилось по траве, оставляя за собой полосу выжженной травы и покореженных, вырванных с корнем деревьев, и остановилось на самом берегу реки, едва не придавив обезумевшего от ужаса козла.

На берегу реки застыл некий гибрид не в меру разросшегося танка и неопрятного деревенского сарая только размерами достигающего самолетного ангара. А еще – если все это вообще могло втиснуться в мозг козла – оно было похоже на кухонную утварь, используемую у обитателей Земли. Называют эту утварь кастрюлей.

В корпусе этого непонятного сооружения зияло несколько довольно широких щелей, из которых в данный момент валил густой дым, словно там, внутри, восторженно жгли низкосортную солярку. Потом донесся грохот, скрежет, пыхтение, просочились звуки, отдаленно напоминающие бление только что позорно сбежавшего с места событий животного, но несравненно более басовитые и раскатистые.

Затем чудовищный удар сотряс до основания все сооружение, с хрустом распахнулась массивная металлическая створка, и в образовавшемся проеме размером эдак метра четыре показалась гигантская фигура, через которую просвечивали очертания второй, немногим, совсем немногим уступающей ей размерами.

Это был высокий небритый мужичина с нечесаной гривой пегих волос, с наглой красной физиономией и реденькой рыжей бороденкой, придававшей ее счастливому обладателю довольно комичный вид. Впрочем, широченные плечи, выпирающие могучие ключицы и перекачивающиеся под смуглой кожей шары мощных мускулов тут же поубавляли желания повеселиться.

За ним из полутанка-полуангара выскочил громадный черный, с проседью, хромой козел с точно такой же, как у мужика, бородой. Тварь была размером с доброго жеребца-тяжеловоза и в придачу трубила носом, как Иисус Навин в свою знаменитую стенодробительную трубу.

– Цыть, Тангриснир! – гаркнул рыжебородый на козла, когда мерзкое отродье ухватило здоровенными зубищами выпирающую деталь железной болванки, на которой они сюда при-

землились, и начало со скрежетом ее отдирать. – Тоже мне досталось золотце в наследство от папаши...

– Угомони тварь сию, Эллер, – сказал вышедший вслед за рыжебородым здоровяком и козлом белокурый бородатый мужчина с яркими синими миндалевидными глазами. – Они с Поджо на пару... все тут пожрут, дай им волю, клянусь черепом Кронида!

– Вырви мне глаз Ермунганд, если сейчас не май устилает верхушки дней, клянусь престолом Хлидскь-яльв! – просипел вышедший вслед за ним высоченный тощий старик в широкополой шляпе и голубом драном плаще в каких-то бурых пятнах, вероятно не стиранном от сотворения мира. Очевидно, рекламная кампания порошка «Тайд» еще не докатилась до обитателя иных миров. Выглядел он не только немыто, но и вообще сурово. На его внушительном плече сидел здоровенный черный ворон, но не с черными гляделками-бусинками, а с вполне осмысленными, почти человеческими глазами.

– Стало быть, время пришло уже для зимы Фимбульветер! – добавил величественный неряха.

– Не надо, о отец бо... – начал было рыжебородый, а огромный козел подпрыгнул на задних ногах, каждая из которых была толщиной с хорошую оглоблю... но было поздно.

Старикан в широкополой шляпе и пятнистом голубом плаще выступил вперед и, вырвав из-за спины громадный сучковатый посох, со свистом взмахнул им над головой.

Что-то сгустилось и потемнело в вечернем майском небе, в котором невинный теплый ветер, дурачась, гонял облака – и тут же затих, видно почуяв, что на сегодня время дурачеств кончилось. Промозглая серая пелена, как сачок энтомолога на незадачливую бабочку, опустилась на луг, и тотчас словно ниоткуда повалили крупные, как порция сладкой сахарной ваты, обжигающе холодные хлопья снега.

Тут же стало пронизывающе холодно. Промозглый пепельно-серый туман, до отказа насытившийся мелкими частичками льда, пролился в траву еще раньше, чем первые снежинки – если так можно назвать эти летающие сугробы! – коснулись буйно зеленеющей земли...

– Ибо время пришло для зимы Фимбульветер! – удовлетворенно повторил разрушивший все прогнозы синоптиков старик, а рыжебородый в сердцах пнул ногой ни в чем не повинного козла и с хмурым лицом повернулся к толпящимся в проеме сородичам...

3

– Хорошо сидим.

– Да, это верно. В кои-то веки разгреблись с этой работой и выбрались. С прошлого года собирались.

Трое молодых мужиков, сидящих за столом в предбаннике и с наслаждением попивавших холодное пиво из только что извлеченного из холодильника ящика и заедавших все это раками и крабовым мясом, переглянулись. И один из них, самый здоровенный, с блестящим черепом и безмятежным лицом, свободным от проявлений интеллекта, наклонился к холодильнику и извлек из него бутылку водки.

– Нехилая у тебя дача, Колян, что ни говори, – вздохнул второй, вожаком глядя на то, как здоровяк умело открывает бутылку с излюбленным российским зельем. – Умеешь, в натуре, бабки сшибать.

– А я тебе сколько раз говорил: уходи из своей мусарни, то есть ментовки, и айда ко мне в бригаду. То есть в фирму. Пацаны сейчас в легал кинулись, отмытый нал, адвокаты, юристы, чистая работа, без напряга, без криминала. Поднимешься, человеком себя почувствуешь! – чуть шепелявя (скорее по привычке, потому что во рту были заботливо высажены два ряда

прекрасных, частью металлокерамических зубов), снисходительно проговорил Колян и разлил водку по стаканам.

– Да твою бригаду давно пересажать надо.

– Ну вот и сажай, Василь. И сам сиди на этом... грошовом лавэ! – фыркнул Колян.

– Ну ладно, хватит вам пререкается, – сказал третий, наиболее интеллигентного из всех собравшихся вида худощавый парень лет двадцати семи. – Давайте лучше за встречу!

– За встречу!

Встреча в самом деле стоила того, чтобы за нее выпили. Потому что собравшиеся в загородном доме Коляна парни были старыми друзьями по двору и школе, которую они окончили почти десять лет назад. Судьба пустила их по разным дорожкам, как тех трех былинных братьев, что стояли у камня на перекрестке трех троп: «Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – сам погибнешь, а вперед пойдешь – назад повернешь».

Никто из них не повернул назад и не погиб. Что касается коня, то у Коли Ковалева, который из всей троицы наиболее преуспел, было этих коней аж три, да еще каких – железных, заморских: джип «Опель Фронтера», шестая модель «ауди», ну и конечно «мерин». Хотя и пятисотый, и изрядно уже потрепанный.

Несложно сообразить, что при такой «конюшне» Николай Ковалев не мог оказаться не кем иным, кроме как представителем криминальных структур. Проще говоря, преуспевающим бандитом средней руки. Несмотря на то что от этого достойного поприща он усиленно «отмывался», по крайней мере в глазах друзей.

Остальные двое в материальном плане подвизались в жизни не столь удачно: Василь, он же Василий Борисович Васягин, дожив до двадцати семи лет и не нажив ни квартиры, ни ума, ни положения в обществе, мыкался в звании сержанта милиции. Ковалев не без оснований определял его место в жизни и векторы жизненных перемещений меткой и точной идиомой от недр народных: «болтается, как дерьмо в проруби».

Третий же, Женя Афанасьев, был журналистом и по совместительству подмолачивал на тучной ниве российского пиара. Ковалев всегда говорил, что только ядовитый язык и разболтанность мешают Евгению сделать приличную карьеру – и не в журналистике, которую Колян именовал не иначе как пачкотней, а, скажем, в коммерческой адвокатуре.

Впрочем, от своих одноклассников, описанных выше, Афанасьев отличался несомненным интеллектом и эмоциональной развитостью, то есть мог отреагировать на картины старых мастеров или скрипичный концерт иначе, нежели восклицаниями типа «ы, круто, блин!» или цитатой из Коли Ковалева о дирижере: «А че это типа там на сцене вертухай музычку зажигает?» Располагал Афанасьев и известной эрудицией, что, впрочем, пока не помогло ему достигнуть на жизненном поприще больших успехов или стяжать хотя бы кратковременные, но громкие победы.

«Какие мои годы, – говорил по этому поводу, не очень весело прищуривая правый глаз, сам Афанасьев. – Будет еще...» Он даже представить не мог, до какой милой буквальности вскоре вызреет эта фраза: «КАКИЕ мои годы».

Выпив, три друга встали из-за стола и, пожурившись друг на друга, решили искупаться в речке, благо была она очень чистой да и вода в ней почти теплой. Особенно для этой свирепой весны, когда до середины мая стояли едва ли не морозы и только с третьей декады обвалилось долгожданное тепло, быстро разросшееся прямо-таки в жару.

Один Колян метафористично глянул на недопитую водку и сказал:

– Не, пацаны... в натуре, в речке? У меня же тут два бассейна, джакузи и все такое... вы че? Можно отлично выкупаться прямо в доме. Потом подумаем, как нам, как говорят умные бакланы, разнообразить досуг! Ну там девчонок подтянуть! Ну а пока – в джакузи!

– У брателло Кузи два-а больших джакузи, один серый, другой белый – два-а больших джакузи-и! – с готовностью пропел Вася Васягин.

– Э-э, Коля, – возразил Афанасьев, не обращая внимания на соло Васягина, – да разве самый лучший бассейн может сравниться с речкой, что у тебя тут под боком протекает? Не понимаешь ты своего счастья, брат. Надо тебе было возле какого-нибудь заросшего канализационного арыка застроиться, типа такого, из какого моя тетка воду таскает, чтобы свои чертовы помидоры поливать. Огородница... Так они у нее дохнут постоянно.

– А! – Ковалев махнул рукой. – Пошли!

Дверь распахнулась, и в ее проеме... закружилось несколько СНЕЖИНОК. Жутким холодом рвануло в предбанник, короткий снежный вихрь, на секунду закружившись под потолком, вдруг обернулся огромным черным вороном. Птица спланировала на стол и, поддев огромным клювом бутылку водки, опрокинула ее.

Парни остолбенели.

– То есть как это? – пробормотал Женя. – Мужики... это как? Мы ж вроде... только сели. А уже – допились.

Ковалев икнул, попятился и, потянув тренировочные штаны вверх, пробормотал:

– Так... пора завязывать с бухаловом.

Первым опомнился Васягин. Он подлетел к стене, на которой висело его форменное обмундирование, выхватил из кобуры табельный «Макаров», после секундного замешательства схватил еще и излюбленное оружие доблестной российской милиции – резиновую дубинку под названием «демократизатор», и выскочил из бани.

И обомлел.

Небо, еще недавно бывшее темно-голубым и ласковым, разительно переменялось. Низкие свинцовые тучи нависли над уже сильно заснеженной землей. Из них сплошным, сливающимся в одну беспросветную пелену обвалом сыпались крупные хлопья снега. Пронизывающий ветер рванул вновь, и Васягин, неподобающе пронзительно для милицейского чина в звании сержанта взвизгнув, отскочил в предбанник, конвульсивно взмахнув дубинкой. Словно стараясь призвать к порядку несколько здоровенных хлопьев снега, колючих, обжигающе холодных, которыми с возмутительной наглостью залепило голую грудь, плечи и лицо сержанта.

– Белая горячка... – выдохнул Афанасьев и присел на корточки. – Мужики, кроет!!!

Из снежного месива прямо на журналиста вдруг вынырнула странная фигура. Это был мужчина, обряженный в жуткие лохмотья. За ним появился второй, несший на руках тощего старика в плаще и крепко нахлобученной на голову шляпе. Крепко – это потому, что шляпа не падала, несмотря на то что голова старика свешивалась едва ли не до земли, открывая иссохшую, жилистую шею.

Мужчина молча прошагал мимо онемевших от изумления троих друзей, задев головой притолоку, ввалился в предбанник и без предисловий уложил старика на лавку.

– Э-э, мужики, – вскинулся Колян. – Да вы че, в натуре? Че такое? Че за накат? Так рулить не годится!

Он вскинул глаза и наткнулся взглядом на стоящего в дверях бани высоченного белокурого атлета с ярко-голубыми глазами и чеканными чертами лица. Тот медленно провел по лицу Коляна застывшим, отсутствующим взором, и Колян попятился, почувствовав, что ему в мозг словно воткнули ледяную иглу, а вдоль позвоночника и в локтях запузырился острый, болезненный холод.

Белокурый сделал шаг вперед и как-то сразу настиг Коляна. Протянул руку и коснулся рукой лба Ковалева, и словно тонкая, прожигающая кожу металлическая паутина опутала голову владельца дачи. Животный страх мокро вскипел на ладонях, на лбу, заискрился мурашками по спине, тяжело перевернулся и сдавил внутренности.

– Твой дом сей? – медленно проговорил белокурый, впившись в лицо Ковалева все тем же холодным и неподвижным, едва ли человеческим взглядом. Примерно такой же взгляд был у бывшей Ковалевской тещи, когда при ней упоминали о ее любимом экс-зятке Колюшке.

– М-мой, да, – пролепетал Ковалев, который даже перед бандой своего главного криминального конкурента Боряна Бокалова, откликавшегося на погоняло Кинг-Конг Жив, и наглым следователем-«важняком» областного угрозыска не дрожал так мелко и позорно.

– Нужна помощь твоя. Отцу нашему, в пределах ваших прославленному под славным именем Один, он же Вотан, он же Хрофт, он же...

Старик на лавке тяжело приподнялся на локте и пронзил белокурого суровым взглядом – взглядом единственного глаза, буравящего не хуже сверла бормашины! – едва удерживаясь на ногах, отметил уткнувшийся головой в притолоку Афанасьев...

Побуравив белокурого этим жутким взором несколько секунд, старик снова уронил голову на лавку и начал глубоко, шумно дышать. Женя в детстве видел в зоопарке большого бегемота, тот дышал примерно так же. По всей видимости, перехватил старикашка чего-то, предположил в тот же момент Васягин. Ковалев же воздержался и от мыслей, и от комментариев: во время этой фантазмагорической сцены он все время открывал и закрывал рот, верно порываясь послать орду нечесаных и невесть откуда взявшихся гостей куда подальше.

Стоявший у дверей рыжебородый здоровяк распахнул свое рванье и начал усиленно начесывать густейшую шерсть на груди. Из нее вывалились огромнейших размеров вошь и упала прямо на ногу Коляну, которого буквально скорчило от отвращения.

– Да ты мне че тут творишь, блин, козел... – начал было он, но тут же был остановлен рыком рыжебородого заповедника для нательных домашних животных:

– Уж не меня ли назвал ты козлом, головешка? – Колян ощутил, как в ногах пухнет предательская рыхлая вата.

Белокурый продолжал хлопотать над стариком, и потому никто не помешал рыжебородому одним шагом преодолеть разделяющее его и Ковалева пространство, схватить не самого хилого и жидкокостного Коляна одной рукой за подбородок и поднять в воздух с такой легкостью, как будто кандидат в мастера спорта по боксу Ковалев весил, как рахитичный недомерок из школы для умственно отсталых.

Мгновенно рассвирепевший брателло извернулся и брыкнул рыжебородого амбала обеими ногами в грудь.

С таким же успехом он мог приложиться, скажем, к гранитной скале.

Нет, под ногами что-то хрустнуло, но, судя по всему, это было отнюдь не ребро рыжебородого, а брат-близнец той вши, которая в данный момент нарезала круги по полу коляновского предбанника, играя в шестикратного чемпиона мира Михаэля Шумахера.

– Выбил бы я мозг из жалкой твоей человеческой башки, – прогремел рыжебородый, – да лишь тем тебя и могу оправдать, что не видел ты козлов настоящих! Идем!

Продолжая удерживать несчастного братка на одной руке так, что ступни Коляна мотались в тридцати сантиметрах от пола (это ж какая силища нужна! – в ужасе осознания свело судорогой мозги Коляна), рыжебородый вынес его из предбанника на невесть откуда нагрянувший холод. И опустил на скорчившуюся траву, уже затянутую инеем и побитую снегом и ветром.

– Воззрись, смертный!

И Колян посмотрел. Еще бы ему не смотреть!.. Тотчас же из груди его вырвалось нечленораздельное матерное ругательство, в котором гармонично сплелись изумление и ярость.

Возле его новенького джипа, купленного на честно отжатые у лохов и конкурентов то ли семьдесят, то ли пятьдесят штук баксов, стояла огромная лохматая тварь. Своими невероятными размерами она напоминала больше лошадь, чем козла. Только шлейф умопомрачитель-

ной вони, которую порывами ветра время от времени относил на Коляна, свидетельствовал о том, что перед Ковалевым действительно козел.

У Коляна заслезились глаза и перехватило дыхание. И в это самое мгновение тварь, меланхолично что-то пережевывающая, зыркнула на Ковалева своими глазищами. Каждый по плоске!..

...И, схватив зубами за бампер (три штуки баксов, едри твою в дышло!), начала со скрежетом его отдирать.

Закрывающая же радиатор решетка, в народе именуемая «кенгурятником», уже была погнута и изуродована так, словно в нее, пусть и на малой скорости, въехал «КамАЗ».

– Э-э-э! – завопил Ковалев. – Ты че, сука! У меня брат космонавт! Да я тебя на коленвалу крутил!.. Убью, сучара! Ах ты, недоносок овечий!

Впрочем, осуществить все продекларированное Колян Ковалев не осмелился. Он замер на полдороге и, поспешно прихлопнув рот, быстро оглянулся на хозяина козла.

Рыжебородый, несмотря на габариты, достойные олимпийского чемпиона по тяжелой атлетике в сверхтяжелом весе Андрея Чемеркина, судя по всему, был довольно добродушен. Потому что на этот раз он только пожал плечами и меланхолично произнес:

– Не поймешь тебя. То меня, великого Эллера, называешь ты козлом, а теперь козла, самого что ни на есть чистопородного, причисляешь к племени то овечьему, то собачьему. «Сука». Да еще к полу женскому... Да будет тебе известно, что козел сей – мужского полу. Взгляни, какие у него...

Колян коротко взвыл, зажмурился и, поджав под себя ноги, рыхло завалился в кусты.

4

В то время как рыжебородый Эллер показывал Коляну, что такое настоящий козел со всем к тому прилагающимся, блондин продолжал хлопотать над стариком в плаще.

Он делал над ним какие-то шаманские пассы руками, отчего под светлой кожей перекачивались бугры просто грандиозных мыши, бормотал что-то на захлебывающемся мелодичном языке с бесконечными поющими гласными – разумеется, непонятном для Афанасьева и Васягина. Последнее неудивительно: Васягин вообще кроме родного матерного владел только русским, да и то со словарем, то бишь с протоколом. А вот Афанасьев знал английский, французский, немного испанский и финский (с бо-о-ольшим словарем). Он нашел, что речь неизвестного больше всего клонится к финскому, однако же ни слова не понимал.

В этот момент блондин, представляющийся братом милосердия, повернулся к ним и сказал (теперь уже, разумеется, по-русски, совершенно без акцента, но с какими-то странными интонациями и теми ясными, округлыми окончаниями слов, что легче всего выдают чужака):

– Глаза нашего отца застилает тьма. Мне нужна помощь. Конечно, такие черви, как вы, мало что могут, но мать моя говорила, что даже вы, люди, способны приносить массу хлопот. А значит, и уводить от них.

Первым заговорил Афанасьев. Несмотря на то что он слышал слово «черви» только на рыбалке да на уроках зоологии в восьмом классе, и уж никак не в приложении к себе самому, он сделал вид, что это совершенно нормально, и произнес:

– Мы бы помогли... но что у него болит?

– Болит? У него ничего не может болеть. Ему нужно лекарство.

«По всей видимости, взгляды на медицину у меня и у этого набора мышц расходятся, и весьма существенно», – подумал Евгений. А сержант Васягин, по месту работы знавший, что можно предложить в качестве лекарства людям в лохмотьях, вваливающимся в чужой дом –

а именно несколько профилактических ударов резиновой дубинкой, – только глупо захлопал глазами.

– Но что случилось?

Белокурый атлет снова повел в сторону Афанасьева голубыми миндалевидными глазами, и Женя, как еще совсем недавно Колян Ковалев, почувствовал, как в позвоночник втыкаются и жестоко ворочаются в нем ледяные иглы.

– Отец наш замутил небо, как во время оно, – наконец изрек белокурый, – он покинул ваш мир, когда наступил час, тому подобающий.

– Кого?

– В вашем мире таких, как мы, называли БОГАМИ, – уже нетерпеливо ответил шкафо-подобный пришелец. – Но некогда мне вести с тобой пустые разговоры, червь. Отцу нашему нужно выпить что-то, что вошьет в него силы.

– Что-нибудь вроде медовухи, что пивал я на перепутье миров на постоялом дворе у посредника Сверра, – пробормотал старик в шляпе.

– Выпить? – оцепенело проговорил Женя, который обеспокоился не столько смыслом и тоном сказанного, сколько габаритами этих людей. – Выпить есть. Это запросто. Вот. Должно помочь. Кстати, хорошая водка. У меня, когда ангина или там, скажем, грипп, я всегда – вместо лекарства... это...

И он протянул белокурому еще не распечатанную бутылку водки «Кристалл». Тот принял ее двумя пальцами, легонько сжал, и бутылка лопнула с жалобным стеклянным лепетом. Осколки посыпались на пол, и хлынула водка, заливая и попутно дезинфицируя грязные ступни белокурого. При этом тип, столь небрежно обращающийся с водкой, даже не порезался. «Да, – подумал Афанасьев, – точно, сумасшедший. Боли не чувствует».

Старик на лавке раздул ноздри и, вдохнув водочный аромат, произнес, не открывая глаз, вернее, одного-единственного глаза:

– Да, Альдаир, это поможет.

– Есть у вас еще такой же сосуд? – надменно спросил белокурый, поднимаясь во весь рост и едва не задевая головой притолоку.

Афанасьев пожал плечами, а сержант Васягин бросился к холодильнику и выволок оттуда целый ящик водки. Евгений принял у него спасительное лекарство и передал белокурому, поименованному стариком в шляпе Альдаиром:

– Так бы сразу и сказали, что водка нужна. Мы тоже этим все хвори преимущественно лечим. Я же говорил...

Его не слушали. Блондинистый атлет Альдаир бережно приподнял старика на лавке и протянул ему бутылку водки.

И тут началось самое интересное.

Старик, растянувшийся на лавке с видом Карлсона, бормочущего о том, что он самый больной в мире человек, споро облапил бутылку, показавшуюся удивительно хрупкой и маленькой в этой огромной красной лапище. И, одним неуловимым движением челюстей отхватив горлышко и выплюнув то, что от него осталось (стеклянную труху!), на пол, вторично поднес изуродованную бутылку ко рту.

Водка, клокоча и завиваясь спиральями, полилась в глотку, а в голове охреневшего Афанасьева, точно так же клокоча и завиваясь спиральями, потекли обрывки мыслей: сборная алко-голиков и борцов-тяжеловесов сумасшедшего дома... белая горячка... чего это нам сегодня подсунули на правах водки «Кристалл»?

Старик выхлестал бутылку за считанные секунды, а потом приподнялся с лавки и, протянув длиннейшую клешневатую руку, схватил вторую бутылку и отправил ее вслед за первой. С непринужденностью и одновременно жадностью, с которыми обычно утоляют жажду в пору июльской жары каким-нибудь невинным квасом.

После того как все рекорды алкоголизма пали – даже в глазах сержанта Васягина, в свое время работавшего в медвытрезвителе и повидавшего просто-таки титанов и гигантов, Рембрандтов и Гоголей пьянки, – старик в шляпе изменил свое положение на лавке, а потом и вовсе сел.

Его пергаментное лицо, испещренное глубокими морщинами, на глазах разгладилось, просветлело и приобрело осмысленный вид. Он расправил плечи, и Афанасьев с удивлением увидел, что тот, кто еще недавно казался немощным и обессиленным, в плечах не уступает белокурому гиганту, смотревшему на преображение своего «отца» со смутной тревогой, впрочем быстро переплавившейся в сдержанную радость.

– Благодарю, – гулко пророкотал старик. На полке подпрыгнула посуда. – Справился я с немощью своей недостойной. Пора и о деле подумать. Кто хозяин сего дома?

Вася Васягин открыл было рот, но за мента, могущего ляпнуть не в тему, ответил Женя Афанасьев:

– А хозяина дома ваш этот... рыжий, здоровенный, который с бородой... уволок куда-то.

– Эллер?

– Не знаю, как его зовут, но то, что он пошел показывать Коляну какого-то козла, так это исторический факт, – ответил Афанасьев.

Он уже смирился с тем, что его взгляд на жизнь стал клинически неадекватен. Быть может, все эти атлеты в рубищах с диковинным архаизированным выговором, все их козлы и вороны, а также невесть откуда прорисовавшаяся на горизонте матерая зима – все это лишь плод его больного воображения? И нужно вести себя спокойно и принять шизофренические фокусы и заморочки сознания как... следствие нездорового образа жизни, что ли.

Хотя, конечно, он понимал, что все это наяву. Несмотря на то что... ну, этого просто не могло быть!

– С козлом ушли, – повторил Женя.

Услышав о рыжебородом и его козле, белокурый Альдаир громоподобно захохотал. Старик в шляпе посмотрел на него неодобрительно, а потом снова повернулся к Жене Афанасьеву и отрывисто бросил – как рубанул тяжеленным топором:

– Я вижу, что ты мог бы послужить нам. Ты уже сделал первый шаг к тому, чтобы стать ближе к ступеням престола. Продолжи начатое тобой, человек. Ты расскажешь нам о том, как изменился твой мир за эти двадцать пять лет, как я его оставил.

Афанасьев пожал плечами и пробормотал:

– А что могло произойти за двадцать пять лет? Господи... ну перестройка, компьютеры там да и... Президента мы нового выбрали. Ну, евро ввели в Европе. В Ираке была заварушка, Штаты наглеют.

– Кто такие эти Штаты и как посмели?

– Да вы что... С Луны свалились, что ли? – отозвался Афанасьев, взявшись пальцами за виски и зажмурившись.

Ответом ему был неожиданно добродушный смешок:

– Не с Луны. С Аль Дионны, человек. Из мира двойной звезды, лиловой и алой. Слыхал?

Васягин, который при последних словах старика хлебнул водки и закашлялся, с усилием прохрипел:

– Что за... нарушение паспортного режима? Аль Дионна... Ближний Восток, что ли? Бен... будь он неладен!..

Афанасьев засмеялся так, как смеялся при нем самом его сосед Иван Филиппыч по прозвищу Громозека, которого забрали в психиатрическую клинику после особо интенсивного приступа белой горячки:

– Ничего себе ближний, Вася...

– Двадцать пять лет в пересчете на НАШЕ летосчисление не был я здесь, о черви! – изрек старик сурово. – На ваше время это будет четыре тысячи... больше четырех тысяч лет, почти пять тысяч лет с того мгновения, когда сын мой Хеймдалль возвестил о наступлении Рагнарека...

– Рагна... грека... г-а-авно в реку... чего? – пробормотал Васягин, подозревая, что старик сказал что-то явно неприличное и предусмотренное административным кодексом в статье о нарушении общественного порядка.

Афанасьев же посмотрел сначала на старика в плаще, потом на громадного ворона, усевшегося тому на плечо и буравившего журналиста взглядом почти что человеческих глаз, и только потом ответил Васягину:

– Рагнарек, Вася. Гибель богов.

Глава вторая

КОНЦЕССИЯ ЛЮДИ – БОГИ НАЧИНАЕТ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ

1

Старый Вотан быстро приходил в себя.

Литр выпитой – и, судя по всему, натошак – отличной русской водки неожиданно и для Альдаира, и для Эллера, наконец-то вернувшегося в баню вместе с окончательно охреневшим от всего происходящего Коляном, подействовал на старого диона благотворно.

Он крикнул и, встав с лавки, посмотрел в окошко, где вызванная им искусственная непогода начала терять свою силу и разрушаться, как карточный домик. Выпавший на зеленую траву снег быстро таял, снежные хлопья, еще недавно насыщавшие пронизанный упругими порывами ветра морозный воздух, исчезли. Да и сам ветер улегся.

– Мне кажется, что такое уже было, – пробормотал Вотан, – но вот только когда...

– Это называется дежа вю, – сказал Афанасьев, – ощущение уже когда-то пережитого. Психологический эффект, вытекающий из обусловленности психофизических процессов...

Он осекся, вспомнив, с каким «светочами» имеет дело. Впрочем, на него воззрились, кажется, благосклонно. Единственный глаз Вотана поблескивал, как бутылочное стекло.

– Диковинны слова твои, – произнес старый невежда, – видно, большой учености ты человек.

Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент в предбанник ввалился ненадолго отлучавшийся зачем-то рыжебородый Эллер и заорал:

– Тангриснир подавился! Оторвал трубу от тележки вот этого лысого, – он показал на Коляна, – а теперь лежит и пузыри пускает.

Колян похолодел: «труба» от «тележки» могла означать только одно: дорогостоящая деталь от его джипа. Да в нем, кроме дорогостоящих, других деталей и не было вовсе... Неужели проклятая тварь сожрала выхлопную трубу? А может, неграмотный детина с рыжей бородой имеет в виду бампер? Он для него тоже труба. Хотя теперь всему джипу – труба... Проглотил!!

– Переварит, – нехотя выговорил одноглазый, – он, помнится, еще и не такое жрал. Помню, Эллер, как-то раз отец твой Тор рыбачил с великаном Скрюмиром, так тот сапог потерял. Так и не нашли. А потом оказалось, что Тангриснир его, этот сапог, и проглотил. А уж сапог Скрюмира – это не какая-то там железка! Хотя... э-эх, – махнул он огромной клешневатой кистью, – все это было давно и неправда.

«Кажется, начинает говорить по-человечески, – подумал Женья Афанасьев. – А то такую ахинею загибал...»

– Вот что, – сказал Альдаир, – притомились мы в пути. Не мешало бы нам отведать чего-нибудь съестного... а?

И он выразительно посмотрел на бледного Коляна, который переминался с ноги на ногу, во все извилины думая о несчастной судьбе новенького джипа.

Поднять глаза на белокурого гостя, невесть откуда взявшегося, Ковалев больше не осмелился... Так он не пугался ни разу за всю свою жизнь. Даже в детском саду.

2

Приступили к обеду. За столом в просторной гостиной Ковалевского дома расселись семь мужчин и две женщины: российская диаспора в составе Коляна Ковалева, Жени Афанасьева и сержанта Васягина и незваные гости – Альдаир, Вотан, Эллер, румянощекий толстяк Поджо и две гостьи, Галлена и Анни. Оказывается, и такими деликатными особами был укомплектован экипаж проклятой космической кастрюли.

Братья меньшие, козел Тангриснир и ворон Вотана, ошивались где-то на дворе, и Ковалева прошибал холодный пот, когда он представлял, что они могут там натворить. О том, кто такие его гости, он боялся и задуматься: существам, способным организовать аттракцион «Зимняя метель» в конце мая и вытворять тому подобные необъяснимые штуки, наверняка не стоит возражать и уж тем более не следует спрашивать, кто они такие.

Впрочем, когда первый шок минул, а новая порция качественной водочки под хорошую горяченькую закусочку сделала свое доброе дело, Колян помаленьку оттаял.

С Афанасьевым это произошло еще раньше.

Журналист по профессии, он мало чему мог удивиться, да и вообще после экспериментов родных правителей, имевших место в минувшем столетии, русского человека не особо поразишь даже концом света и вторым пришествием Христа.

Христос не Христос, но чем дальше Афанасьев смотрел на гостей, тем больше понимал, что эти удивительные и замысловатые существа и впрямь – в самом что ни на есть прямом смысле этого выражения – не от мира сего. А вовсе не труппа трюкачей, сбежавших из цирка для умалишенных.

– Простите, уважаемый, а этот фокус с зимой не ваших ли рук дело? – спросил он у Вотана.

Одноглазый, только что умявший два батона колбасы салями вместе с упаковкой, покоился на Женю и, поковыряв пальцем в зубах, ответил не без самодовольства:

– Верно говоришь, человеке. Хотел я напомнить себе о тех временах, когда был молод и тоже ходил по этой земле. Тогда она была другой. Совсем, совсем другой была та земля.

– Может, вы просто жили на севере? – почтительно предположил Афанасьев, уже по привычке прикрывая глаза.

– И там я жил. Везде был мой дом. Но теперь не тот я стал... не тот.

– В маразм впал, – проворчал Эллер, соревновавшийся в прожорливости со своим братом Поджо (хотя радовало уже то, что не со своим козлом Тангрисниром). – Зиму придумал... блюстителем времен года...

Впрочем, сказано это было так тихо, что слова Эллера слышала только Галлена, темноволосяя статная дамочка, чем-то напомнившая Коляну Ковалеву то ли его последнюю подружку-модельершу, то ли звезду российского кино Анну Самохину. Чужеземная «Самохина» сохранила на лице невозмутимую понимающую усмешку. Улыбалась она во весь рот, и Васягин, который от отупения принялся считать ее крупные белые зубы, решил априори, что их гораздо больше, чем тридцать два.

Тут его всколыхнуло.

– Я одного не пойму, – изумленно произнес мент Васягин, – если вы утверждаете, что вообще первый раз в Российской Федерации и только что прибыли сюда, то откуда вы... это самое... знаете наш язык?

Альдаир снисходительно улыбнулся, а рыжий Эллер захохотал в голос, так что уши заложило не хуже чем при взлете авиалайнера:

– Да от тебя самого! Правда, многое непонятно мне в том, что выудили мы из ваших голов... (Колян Ковалев тут же вспомнил то ощущение, когда ему словно оплели голову нагрет-

той тончайшей металлической паутиной), но... я думаю, разъясните вы все своим будущим повелителям. Вот, например, что такое «трезвяк»? Сдается мне по тем обрывкам, что уловил я в голове твоей, «трезвяк», он же «вытрезвитель», – это чертог, в коем обретаются только избранные гости. Славен я и желаю гостить в том «трезвяке» и быть там гостем знатным! – прогремел Эллер.

– Напьемся – будешь, – пробурчал Васягин.

– Хорошо, – сказал Афанасьев, выслушав эту тщеславную тираду Эллера и придержав за руку Васягина, кажется порывавшегося сказать что-то еще. – Значит, насколько я понимаю... вы утверждаете, что вы Один, скандинавский бог?

– Истинно так. В вашем мире звали меня Один.

– А ЭТИ... ЛЮДИ... МММ...

– Мы дионы, – уточнил Альтаир. – Кажется, говорил я тебе об этом, человек. Мы потомки ваших богов. Я – сын Зеурса, в вашем мире известного как Зевс.

Ковалев, в школе имевший по истории древнего мира твердую тройку с минусом, прослушал это утверждение белокурого гиганта с абсолютно безмятежным видом, зато сержант Васягин, которому все еще не давало покоя нарушение паспортно-визового режима, совершенное пришельцами, икнул и выговорил:

– Это который... в Древней Греции? Там... Солоника убили. Нет, его, конечно, не в древней, а уже в современной Греции, но... все равно...

– Не знаю, о чем ты говоришь, ничтожный, – надменно сказал Альдаир и высморкался в скатерть, – но мой отец, владыка ваших древних богов, послал меня сюда, чтобы снова править вами.

Афанасьев, слушавший диона с видом, с каким заботливый врач психиатрической клиники слушает особенно запущенного пациента, деликатно кашлянул и проговорил:

– Значит... насколько я понял, вы – потомки наших старых богов? Откуда же они пришли в наш мир?

– Да будет тебе известно, чужестранец, что те, кому твои звероподобные предки поклонялись, были изгнаны с планеты Аль Дионны. С тех пор минули многие тысячелетия, десятки тысячелетий по вашему времени. Жили они здесь и правили. А отправились сюда, в этот мир, чтобы пронести горькую чашу изгнания и не расплескать ее, – величаво объявил Альдаир, который, если не считать сморкания в скатерть, кажется, был наиболее воспитанным и красноречивым из всей компании. – Жили они здесь долгие годы, и потому это не ваш, а наш мир.

Люди молчали, подавленные странной и на свой манер безукоризненной логикой диона. Ведь порой и дубина является самым выверенным и основательным аргументом. Альдаир, выпив водки (три с половиной бутылки, как подсчитал неисправимый блюститель порядка Васягин), разговорился и повел свою речь дальше. Из его рассказа, увитого, как виноградными лозами, бесконечными восхвалениями предкам, удалось воссоздать, с чем и на каком основании эта инопланетная братия пожаловала на Землю в целом и на дачу к Коляну Ковалеву в частности.

«Причина вполне банальна, – думал Афанасьев. – Появились налогоплательщики из другого, чужого мира. Происшествие само по себе заурядное и многократно описанное в литературе и показанное в фильмах, но вот только последствия... Словом, прилетевшие к нам скитальцы из космоса тоже считают себя землянами. Чудесно! Помню, мой сосед по подъезду дядя Сеня, выпив, утверждал, что он эфиоп и к тому же то ли предок, то ли потомок Пушкина. Ничего... Такая мелочь – предок ли, потомок! Эх, дядя Сеня! А они, эти красавцы из бездны, утверждают, что здесь, в нашем мире значит, мотали космические сроки изгнания их близкие родственники – отцы, матери, дядюшки и тетушки. Выходит, Земля – это что-то вроде ссылки. Земля пять или семь тысячелетий тому назад – теперь уже не важно, тысячелетием

больше, тысячелетием меньше! – была местом ссылки правонарушителей другой, более развитой цивилизации».

«Итак... – продолжал размышления Афанасьев. – Самая большая популяция космических беспредельщиков жила в Средиземноморье. А что? Тепло, финики разные растут, маслины... Курорт. Они получили широкую известность под именами богов олимпийского пантеона. Зевс, Афина, Гера, Аполлон – уроженцы планеты Аль Дионна, обожествлявшиеся древними и вовсю безобразничавшие в своих владениях. Например, осчастливливающие своими инопланетными сперматозоидами земных женщин, в результате чего на свет появлялись полукровки с уникальными физическими характеристиками. Ну типа Геракла. Так, что ли, получается? А некоторые альдионниты селились на севере – например, те, что вошли в земную историю под именами асов, скандинавских богов: Один, Тор, Локи, Хеймдалль.

По рассказам этого Альдаира, если прикинуть, выходит, что примерно в третьем тысячелетии до нашей эры, то есть пять тысяч лет назад, дионы покинули Землю, а вот теперь прибыли обратно их сыновья и дочери: трое мужчин и две женщины. А с ними дядюшка-наставник, этакий космический дядька Черномор – старый космический зэк Вотан, на Земле более известный как Один... И прибыли точно на дачу Коляна, где мы расслабляемся. Отличная перспектива отдыха!!!» – подвел итог своим мыслям Афанасьев и оглянулся вокруг себя. А потом поднял глаза.

Прямо на него в упор смотрел Вотан. Единственный глаз сверкал, как сталь клинка, окрасившегося к тому же кровью. Кажется, старикан был пьян как сапожник. Не исключено, что он принимает Афанасьева за инеистого или огненного великана, с которыми представители северного поколения дионов, именуемые асами, кажется, враждовали.

Женя сказал первое, что пришло ему на ум:

– Значит, вы прибыли сюда, чтобы снова установить свою власть над нашим миром?

– Так это и есть.

– Простите... а каким образом вы собираетесь это сделать?

Теперь замолчали гости. Перестали жевать. Все, за исключением рыхлого толстяка Поджо, который, по всей видимости, мало интересовался наполеоновскими планами установления мирового господства, а заботился все больше о своем желудке.

Первым заговорил одноглазый Вотан – глухо, гнусавым надорванным голосом, каким обычно озвучивают третьесортные американские фильмы ужасов:

– То есть как это, человек?... Ты хочешь сказать, что твои собраты посмеют сопротивляться нам... тем, кто были богами вашего мира?

– Вот именно что БЫЛИ, уважаемый, – терпеливо проговорил Афанасьев. – А за то время, что вы отсутствовали, здесь произошли большие изменения. Я бы даже сказал, очень большие изменения.

– Разве у вас больше не верят в богов? – звучным контральто презрительно проговорила Галлена.

– Почему не верят? Верят. Верят! Только у нас преимущественно... это... монотеизм.

– Непонятно мне это слово, – надменно произнес Альдаир и съел сникерс. Нет надобности еще раз говорить, что дионы не привыкли отделять содержимое от содержащего, так что сожрал вместе с упаковкой.

– Монотеизм – это такой религиозный строй, при котором верят не в нескольких богов, то есть в пантеон, а лишь в одного, – начал объяснять странным гостям Женя. – Вот, например, мусульмане верят в Аллаха, буддисты, стало быть, в Будду, христиане – в Иисуса Христа, иудеи – в Иегову, и так далее...

– А разве в Зевса больше никто не верит? – спросила Галлена. – Или в Одина? В Тора?

– Древнегреческие и скандинавские боги давно уже отошли в прошлое и... и наличествуют только в справочниках по мифологии... – академично начал было Афанасьев, забыв,

что перед ним сидит живой скандинавский бог, да еще самый главный. – И тут же был заглушён рыком этого самого бога:

– Вот мы и пришли, чтобы напомнить о себе! И мы докажем, что все эти ваши моно... теисты просто забыли, кто должен ими повелевать!!!

Раскатам его голоса позавидовала бы любая фирма, выпускающая автосигнализацию. Афанасьев понял, что развеивать архаистические религиозные воззрения старого Вотана – это все равно что убеждать Гитлера организовать фонд помощи жертвам Холокоста. Тогда он решил не вызывать гнева пришельцев и хитроумно зашел с другой стороны:

– Возможно, что вы и правы, уважаемый Один, и я бы всеми своими силами, насколько могу, поспособствовал бы тому, чтобы вам был оказан достойный прием... но все-таки позвольте спросить: каким образом вы хотели бы объявить о том, что вернулись и отныне будете править?

– Пошлю вещую птицу – ворона! – гаркнул одноглазый старик. – Пусть упредит всех, что мы вновь явились в мир!!

Эта реплика старого аса не встретила понимания даже у его соотечественников: Альдаир пожал плечами, а Эллер, заслышав очередное чудачество деда, так и вовсе покрутил пальцем у виска: дескать, заворачивай, Маруська, старикашка спятил...

«Судя по всему, они взяли не только лексикон, – отметил про себя Женя Афанасьев, – иначе откуда бы этому Эллеру знать, что этот чисто русский, по крайней мере человеческий, жест с кручением пальца у виска обозначает сдвиг по фазе?»

– А что хочешь посоветовать нам ты? – Альдаир недобро прищурился на Афанасьева. – Зрю я, ты самый мудрый из живущих в сем мире?

– Гм... самый мудрый... это, конечно, сильно сказано. Я хотел бы посоветовать вам не применять силовых методов. Ведь, насколько я понимаю, вы хотите утвердиться силой?

– А он и правда мудро говорит, – удивленно произнес Вотан. —Да... ведь так мы и мыслили. Кто ж его знает, что произошло с людьми за то время, пока я отсутствовал?

– А произошло многое, – сказал Женя. – Люди стали очень сильными. Быть может, не такими сильными, как вы, я бы даже сказал... совсем не такими, но их сила – не в мускулах.

– Вот это верно, – согласился Один. – И в мое время сила была не в мускулах. Иначе как мог бы победить я болотного волка Фенрира, возвращенного в кошмарных подземельях Етунхейма? Чем же изменилась сила людей?

«Кажется, несмотря на то что мы говорим на одном и том же языке, понимания мы не найдем, – раздраженно подумал Афанасьев и покосился на уже сильно пьяного Коляна, который вынул мобильник и сделал несколько попыток попасть в кнопки. – Не иначе как вызовит свою бригаду в полном составе, и тогда тут такое начнется!»

– погоди, Коля, – остановил Афанасьев, вырывая у Ковалева сотовый. Потом повернулся к Альдаиру – кажется, самому здравомыслящему из всей этой разношерстной шизофренической компании – и проговорил: – Видите эту штуку? Так вот, при помощи ее я могу сообщить о том, что вы появились, хоть на противоположную сторону планеты. Достаточно нажать несколько кнопочек. А затем...

– Затем п-при малейшей опасности сюда в-вышлют... в-в-в... вертолеты, – перебил его Васягин, тоже, кажется, пьяный и к тому же немилосердно плящущийся на красивых дионках, – об... объявят план-перехват...лучше – шар-рахнут баллистическими ракетами, и никакие м-молоты М-мельнир... не помогут!! Вы что, не вплели... как в-война в Ираке?..

Удивительно, откуда простой российский мент выудил информацию о молоте скандинавского бога Тора – молоте, которым его владелец имел обыкновение швыряться во всех, кто не вызывал у него симпатии! – но только нельзя сказать, что это знание пошло ему на пользу. Потому что Эллер, уже обожравшийся и теперь вяло cedящий водку прямо из горла —все с

тем же видом, словно он попивает квасок или компот – услышал название боевой принадлежности своего отца.

Неизвестно, какая жидкость из числа содержащихся в организмешибанула ему в голову, но только он привстал и, выбросив вперед руку, словно распрямившуюся пружину, схватил Васягина за шкирку и легко выволок из-за стола:

– Что ты сказа-ал?

Сержант уныло болтался в могучей руке и пытался зажмуриться.

Афанасьев поспешил вмешаться:

– Он сказал, что с современными людьми этого мира, мира Земли, нужно действовать другими методами.

– Отпусти его, Эллер, он уже посинел, – брезгливо произнес Альдаир. – Это какими же... ме-то-да-ми?

– По-хорошему. Да, да, по-хорошему. И тогда они все сами поймут и захотят вам подчиняться.

– А в какого бога веришь ты, человек? – в упор спросил Альдаир.

Женя попытался иронично улыбнуться, но его губы просто-напросто разъехались в какую-то неудоваримую резиновую гримасу, как холодец под толкушкой для картофеля.

– Я христианин, – сказал он. – Я верю в Иисуса. Не то чтобы я верю, что он смотрит на меня и искренне сопереживает, как может смотреть и сопереживать, скажем, вот он, – Афанасьев показал на съехавшего на пол Васягина, – но просто... ммм... человек так устроен, что должен верить в Бога. Это... гм... его естественная потребность.

Пример сопереживающего Васягина оказался неудачным: Альдаир посмотрел на мента откровенно брезгливо и изрек:

– Я не понимаю, как ты можешь ставить имя своего бога рядом с именем вот этого... полудохлого червя. Но мне понравились твои слова про то, что человек так устроен, что должен верить в бога. В какого же бога вы все реально верите? Только не называй мне этих... моно... теистов. Это суть имена. Лучше скажи мне: есть ли такой бог, в которого истинно верят все твои земляки? Если есть, скажи, в чем его сила и как вы его зовете?

Все это до рези в желудке напоминало осточертевшие религиозные диспуты на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, и Женя поморщился: он вспомнил, как за ответ на примерно такой же вопрос ему еще в университете влепил «тройку» придурочный преподаватель религиоведения.

Но тут, быть может, на кону стояло нечто существенно большее, чем какая-то там оценка. Этим психически неадекватным гражданам из неведомого мира могло прийти в голову все что угодно.

А на расправу они, по всей видимости, коротки.

Но ответ Женя, кажется, знал.

– Такой бог есть, – сообщил он. – В него верят все. В том числе и в этой стране, где вы сейчас... находитесь. Да и везде. Везде его сила огромна.

– Как его имя?

Афанасьев окинул взглядом лица этих чудаковатых пришельцев, обращенные к нему – любопытствующие, настороженные, угрюмо-недоброжелательные или просто равнодушные, как у продолжавшего усердствовать на ниве чревоугодия Поджо, – и ответил коротко, как отрезал:

– Деньги.

– Кажется, я понимаю тебя, – сказал Альдаир, – деньгами у вас называют то, за что можно взять все что нужно. Так?

– Да.

– У нас на Аль Дионне, – медленно заговорила Галлена, – у нас точно так же определяется Закон. Тот, кто соблюдает его, может взять все что нужно. Значит, у них такой же бог, как и у нас.

Афанасьев, у которого эти схоластические заморочки странных гостей уже сидели в кишках и даже подбирались к другим, более основательно запрятанным внутренностям, не стал углубляться в тонкости, а просто пожал плечами: думайте, как хотите...

Тут отозвался старый Вотан. Произнося свою речь, он расцвечивал ее полнозвучным иканием, как будто кто-то колотил дверью грецкие орехи.

– Я чувствую, что этот человек в самом деле... грэ-эк!.. говорит правду: мир изменился. Этот мир изменился, и мы не сможем больше быть в нем прежними. Такими, каким было наше старое... хррэ-эк!.. поколение, когда правило беспомощными людьми. Теперь же я чувствую мощь новых жителей этого мира. Эта мощь весьма велика. Грэ-эк!! – произвел он финальный физиологический акт.

– Вот-вот, – заговорил Афанасьев, обрадовавшись, что впавший в ностальгию по четырех-, пяти- или шеститысячелетней древности одноглазый бог наконец заговорил здраво, хоть и с помехами в речи. – Совершенно верно, господин Вотан. Нельзя кидаться на танк с топом...

– Что такое танк? – перебил его Эллер.

Афанасьев обернулся к нему и хотел уж было отвечать, но тут белокурый великан хлопнул его по плечу так, что бедный журналист еле устоял на ногах.

– Будь по-твоему, человек! – сказал Альдаир. – Если бы я почувствовал, что ты лжешь, я бы превратил тебя в горсть пепла.

– Змей Горры...ныч... – пробормотал Васягин и ненавязчиво свалился под стол.

Анни, светловолосая фигуристая дионка с внешностью несколько затасканной супермодели, и Галлена беззвучно убрали ноги.

– Благодарю за доверие, – машинально ответил Афанасьев, подумав, что эти существа, вообще, не столь уж ужасны, как это показалось вначале. Конечно, телепатические способности, возможность влиять на климат в отдельно взятом мини-ареале территории, силища эта кошмарная – все это определенно не может не вызывать уважения.

Но, с другой стороны, – этот неведь откуда взявшийся космический сброд может наворожать таки-и-их дел!

Если, конечно, их будет направлять смекалистый и грамотный русский мужик, съевший пуд соли с такой нечистью, которая всем этим большим младенцам со звезды и не снилась...

3

– Значит, в чьей руке деньги, в той руке и закон, – выразительно резюмировала Галлена. – Верно?

Афанасьев посмотрел на статную темноволосую дионку не без уважения: это надо же, в России без году неделя, а уже так внятно прописала главную особенность Российского законодательства!

– Верно, – ответил он, – потому я и предлагаю вам не размахивать трезубцами и не пускать молнии... если вы, конечно, это умеете...

И он опасливо покосился на Эллера и Альдаира, уже жалея, что его язык, развязанный алкоголем, ляпнул эти слова, могущие привести к непредвиденным последствиям.

Но последствия были вполне предвиденные: Альдаир индифферентно передернул атлетическими плечами и со словами: «Почему не умеем?» совершенно неуловимым для глаза

жестом выхватил из-за спины нечто сверкающее и продолговатое... Белокурый дион тряхнул этим «нечто», и из окончности предмета бесшумно прянула зеленая молния.

Ее отблески легли на перекошенное от изумления лицо Коляна, запрыгали в широко распахнутых глазах Жени Афанасьева, осветили тронутые легким любопытством лица гостей из другого мира...

Молния с легким шипением прошла стекло, ударила во двор и угодила в огромный тополь, росший за гаражом Ковалева. Раздался грохот и треск, блеснул язык пламени, но тут же был сбит воздушной волной от размашисто рухнувшего дерева. Кроной тополя едва не накрыло мирно пасущегося козла Тангриснира, с таким же спокойствием, с каким его земные собратья едят траву, пережевывавшего какой-то компонент литой фигурной ограды, окружавшей ковалевский особняк.

– Подарок дяди Пассадона, – горделиво похвастался Альдаир, пряча предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся довольно топорно выполненным трезубцем. – У вас он известен как скипетр бога морей Посейдона.

– Хотя у нас, на Аль Дионне, его называют обыкновенным эфирным резонатором общепроницающего действия, – иронично проговорила Галлена. – Это меня научили в сколии второго уровня. Дальше не осилила.

«Ого, – подумал Афанасьев, – оказывается, они искушены не только в козловодстве и локальных нарушениях климата, но и теоретическую базу под свои выходки подвести могут. Ай да Галлена!»

Альдаир блеснул на нее глазами, но Женя не стал слушать препирательств кандидатов в боги и поспешно заговорил – причем в выражениях, близких к собственным синтаксическим построениям господ дионов:

– Одним словом, путь к сердцу этого мира лежит только через одно: через деньги. У кого деньги, у того и сила, – добавил он чуть искаженной цитатой из старого доброго «Брата-2». В голове настойчиво крутились обрывки песни – из саундтрека из все того же «Брата-2»: «Большие го-орода... пустые по-езда-а... ни берега, ни дна... все начинай сначала-а... Холодная война-а, и время – как вода-а...»

Женя махнул рукой, словно отгоняя эти заплывшие в мозг звуки, как назойливых мух.

– Следовательно, чтобы вернуть себе этот мир, вам нужно иметь много денег, – продолжил он, не глядя на уже с вполне доброжелательным любопытством смотрящих на него пришельцев из ало-лилового мира двойной звезды. – А это можно сделать только одним путем: основать банк.

Услышав такие слова, Колян Ковалев дико выпучил свои маленькие глазки и, судорожно налив себе водки, плеснул в рот. Дионы же не отреагировали на слово «банк»... ну вообще никак. Если опять же не считать за исключение перманентное чавканье жирного складчатого Поджо, съевшего уже столько, что хватило бы насытиться взводу или даже полуроте российского спецназа. А там парней с плохим аппетитом не держат.

– Что такое банк? – открыв единственный, да и тот уже сонно замаслившийся от сытости и выпитой водки глаз, спросил старый Вотан. – Это хр-р-р... хр-р!.. храм вашего бога?

– Совершенно верно, уважаемый, – мгновенно ответил Афанасьев. – Вот такой храм самим себе я и предлагаю вам основать.

– Здесь? – заинтересовался Альдаир, показывая рукой на поле за покалеченным его трезубцем окном.

– Нет, не здесь. В городе. Только вот что... вам нужно переодеться и... как бы это так сказать... помыться в бане. Колян, организуй.

– Это вот что... – заговорил Ковалев. – Я типа мыслю так: сейчас докатим до города, там завалимся в сауну, побазарим, утрясем все моменты, и можно что-то там замутить дельное по поводу совместного бизнеса.

– Бизнес? – выговорила Галлена с тем выражением, с каким упоминают дохлую мышь, тыкая в нее прутиком.

– Это другое имя нашего бога, – вмешался Афанасьев, и тут его слова были прерваны басовитым храпом сержанта Васягина: тот мирно почивал прямо под столом, обняв, как родного, брошенный кем-то на пол здоровенный свежеебглоданный мосол.

– Убатонился, – констатировал Колян, а потом повернулся к Альдаиру и проговорил: – Это самое... пару децл момент, братан... э-э-э... господин бог... то есть... в общем, у меня есть одна тема, которую требуется вкумекать Жене... мы на пару сек соскочим отсюда...

И он, схватив журналиста под руку, буквально выволок его из дома. И потащил мимо джипа, изуродованного козлом, мимо самого козла, меланхолично обжиравшего поваленный молнией Альдаира тополь, мимо ограды прямо к песчаному берегу тихой заводи, где стоял маленький пляжный домик и несколько вкопанных в землю грибков.

– Ты че, Колян?

– А че Колян? – экспансивно проговорил тот. – С этой братвой надо как-то решать. Видишь, что они мне тут за полчаса натворили? А этот жирный так и вовсе сожрал почти все, что в погребах и в холодильниках было! Не говоря уж про этого... – Коляна буквально передернуло от отвращения, – этого... козззла-а...

– Да ты же сам предлагал завалиться в сауну и там обсудить, как можно сотрудничать в ближайшем будущем, – попытался прийти к консенсусу Афанасьев. – Ты же сам только что сказал.

– Я? А что, думаешь, мне хочется снова оказаться в пятерне этого рыжего бородача? Да такой силищи даже у Лехи Купца не... в общем, не знаю, как ты, а я, Женек, с ними связываться не хочу. Вот такой расклад.

– Ну и дурак, – равнодушно изрек журналист. – Сам проходишь мимо своего счастья.

– Какого, блин, счастья?! – рявкнул Колян. – За джип с меня в автосервисе не меньше чем десятку слупят... участок весь засрали, дом провоняли! От этого рыжего, да и от всей этой кодлы, несет не лучше, чем от их козла! Водных процедур, видать, не любят, только водочные! И старикашка, пидор одноглазый, этот водку всю почти выжрал!

– Хорош строить из себя герцога Анжуйского, – махнул рукой Афанасьев. – Как в прошлый раз ты ездил, сам рассказывал... те убытки, что тебе этот злополучный козел причинил да толстяк со стариком, в подметки не годятся! Сам же говорил, что пацаны разнесли всю сауну, а потом кидали попа, отца Филиппа, в бассейн, напялив на него женское белье. И заставляли танцевать канкан на столах, а этот отец Филипп – не балерина из Большого... сто тридцать килограммов все-таки весит, преосвященная морррда! Все столы так и переломали. А не ты рассказывал, что Васька Лысый палил из ракетницы и спалил соседский сарай, за который ты потом платил, а какие-то проститутки взяли твой джип и катались на нем по болоту, а потом исполняли на его крыше стриптиз и каблуками всю крышу поуродовали? Не ты рассказывал, а? Как, Колян?

– Ну, было, – нехотя пробурчал представитель криминогенной среды и мудро поскреб в блестящем затылке.

– Так чего же ты мне сегодня тут тюльку коптишь про какой-то там ущерб? Или ты не понимаешь, что именно в буквальном смысле свалилось тебе на голову? Нет, не горстка вонючих пришельцев! При желании из этих в самом деле можно сделать богов! Не тех, конечно, что тупо метали молнии в первобытных людей и катались на облачках. А богов современных.

– Это как же? Ты там про какой-то банк лепетал... ты че. В натуре?

– В натуре! Ты знаешь, что они уникальны хотя бы потому, что вскрывают мозг с еще большей легкостью, чем твой любимым медвежатник Мангуст потрошит сейфы? А? Им просто цены нет хотя бы поэтому – они просто скачают информацию из мозговых извилин конкурентов, и все тут. Кто владеет информацией, тот владеет миром, пойми!

– Это что же, ты во властители мира собрался, что ли? – насмешливо поинтересовался Ковалев. – Нет, ты уж тогда до комплекта к себе в команду Брюса Уиллиса там позови, чтоб, если че, этот самый мир спасти.

– А гипноз? – продолжал перечислять достоинства непрошенных гостей Афанасьев, не обращая внимания на явный демарш Коляна. – Самый совершенный способ дознания! Так что отпадает надобность во всяких паяльниках и горячих утюгах, которые ты практиковал в пору своей бандитской юности. А уж то, что сделал этот старик... я уж и предполагать боюсь, как он это сумел.

– Что? Водку выпил, что ли?

– Какую водку? Ты видишь вот это? – Афанасьев наклонился и, сжав в горсти немного тающего и исчезающего буквально на глазах серого снега, сунул его в нос Ковалеву. – Ты вот это видел? Ты хоть понимаешь, что нужно сделать, чтобы достичь такого эффекта, пусть на краткое время и на незначительной территории? Этот Вотан – старый, ему после его «зимы» стало плохо... наверно, перебрал с отдачей энергии... А ведь все остальные, они молоды, и... черт его знает, но, когда я подумаю, что с ними можно наворотить, у меня начинает кружиться голова.

– Да просто пить надо меньше... – буркнул Колян, но было видно, что слова Жени запали ему в душу. – Ну и что же ты предлагаешь?

– А предлагаю я только одно: ехать в город – там видно будет.

Глава третья

ВОРОН МУНИН ПОЕТ БЕДУ

1

– Вам необходимо изменить имена, – сказал Афанасьев.

Они сидели в ковалевском джипе, набитом под завязку. Тут были все дионы, где-то за сиденьями валялся пьяный Вася Васягин, испускавший все тот же апокалипсический храп. На плече Вотана сидел ворон и чистил перья.

И только козла Тангриснира по настоящему, с пеной у рта, требованию Ковалева оставили в загородной местности. Впрочем, как с недоброй улыбкой напроорочил хозяин несносного животного Эллер, это ненадолго: рогатая тварь непременно найдет их...

– Вам нужно изменить имена, – повторил Афанасьев, потому что никто из гостей как-то не воспринял его слов.

Первым отозвался Альдаир:

– Изменить имена? Зачем это?

– Потому что в вашем случае предпочтительнее подогнать свои имена под наши. Ведь называли же вашего отца, господин Альдаир, на наш лад: Зевс. Хотя наверняка на Аль Дионне его звали по-другому.

– Да, там его звали Зеурс, – машинально подтвердил Альдаир.

Афанасьев говорил так спокойно и уверенно, словно привык произносить название «Аль Дионна» и имя «Зевс» как вполне обыденные, обиходные. Это произвело некоторое впечатление на Эллера, первым из дионов поставившего вопрос предельно конкретно:

– А как, скажем, следовало бы назваться мне?

По всей видимости, сына Тора все это весьма забавляло.

– Вам? Во-первых, вам нужна фамилия.

– Что такое фамилия?

– Ну... – замялся в определении Женья, – это, можно сказать... родовое имя. Фамилия происходит от какого-то прародителя, который...

– А как твоя... эта самая... фамилия? – бесцеремонно перебил его Эллер. —А, ну да... Афа... щас...

– Афанасьев, – ответил журналист. – Это означает, что какого-то далекого моего предка звали Афанасий. А вот у него, – кивнул Женья на Коляна, с багровой мордой крутившего баранку многострадального джипа, – фамилия Ковалев. Значит, его предок был ковалем, то есть кузнецом. Ковал металл... мечи, молоты, плуги.

– О, молоты! – откликнулся Эллер, ковыряя в зубах уцелевшим от недавней трапезы шампуром.

– Да, молоты, – повторил Афанасьев.

– А моего предка... моего предка зовут Один, – выпалил Эллер, посмотрев на меланхолично клюющего носом одноглазого старика, на плече которого огромным клювом чистил перышки ворон с человеческими глазами. – Стало быть, моя фамилия должна быть... Одинсон.

– Одинсон? Подозрительная какая-то получается фамилия, – пробурчал сидящий за рулем Колян, к слову бывший ярый антисемитом.

Афанасьев едва сдержал веселую ироническую улыбку и продолжал:

– Затем, помимо имени и фамилии, живущему в этой стране необходимо отчество. Как зовут вашего отца?

– Имя моего отца Тор есмь, – замысловато отозвался Эллер, словно привел цитату из учебника старославянского языка.

– Ну вот и получается: Эллер Торович Одинсон. Н-да, действительно...

– Еврей какой-то получается, в натуре, – ничтоже сумняшеся прокомментировал Ковалев.

– Да уж. Что-то наподобие... да еще этот Торович... Тора – так ведь это же священная еврейская книга... – пробормотал Женя Афанасьев. – Пятикнижие Моисеево...

– Кто такой еврей? – в упор спросил Эллер.

– Еврей он еврей и есть – морда жида... – начал было неугомонный Ковалев, но Афанасьев поспешно дернул того за рукав, отчего рука Коляна на руле дрогнула, и джип едва не выбросило в кювет. Нельзя было распространяться про евреев в неуважительном тоне, раз Эллер уже усвоил, что между словами «Одинсон» и «еврей» установлена прямая связь.

– Кто такой сей «еврей»? – упрямо повторил рыжебородый здоровяк.

– Ну... это... уважаемый человек в нашей стране, – не особо кривя душой, нашелся Афанасьев; вспомнил, что он в принципе говорит правду: достаточно назвать, скажем, господ Кобзона, Явлинского, Абрамовича и иже с ними.

– Тогда я буду евреем, – тем же тоном, каким он говорил, что хочет гостевать в дивном чертоге под названием «трезвяк», подвел черту под спором Эллер, пристально глядя на Афанасьева.

Колян Ковалев, который, не ощущая на себе парализующего взгляда кого-либо из дионов, чувствовал себя довольно свободно, скептически хмыкнул.

– Я думаю, что каждому стоит быть только тем, кем он рожден, – пустился в пустые разглагольствования Афанасьев. —Для нашей страны вам, уважаемый Эллер, больше подошла бы фамилия не Одинсон, а, скажем, несколько видоизмененная – Одинцов, например. А вместо Эллер Торович... ммм... подойдет какой-нибудь Эдуард Тимурович. Эдуард Тимурович Одинцов... по-моему, ничего.

– Эдуард Тимурович Одинцов, – пробормотал рыжебородый, – а что... в самом деле ничего! Предлагаю наречь также и моего козла! Именем и отчеством с этой... фамилией!

Ковалев захохотал, Афанасьев кисло улыбнулся. И даже в дупелину пьяный Вася Васягин перестал храпеть и почтил такое знаменательное событие – переименование бога! – глубоким мысленным протяжным звуком, похожим на мычание, но на такое, на фоне которого мычание двух быков, ссорящихся из-за очередной коровы, показалось бы осмысленной беседой двух уважаемых джентльменов.

В дальнейшем – по мере следования Ковалевского джипа к городу – переименование дионов превратилось в какую-то игру: по всей видимости, уроженцам мира двойной звезды понравилось выбирать себе имена, перекраивая их из тех, что даны им были при рождении. Все это изрядно напомнило начитанному Афанасьеву перерождение Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца», Ковалеву – треп на «киче» касательно «погонял», а менту Васе это ничего не напомнило, потому что он спал и видел строго запротоколированный сон о задержании генерал-майором милиции Васягиным юбилейного стотысячного алкоголика. С вручением премии и именной медали. Причем кому именно вручали, алкоголику или генералу, Васягин так и не разобрался.

После недолгой дискуссии Альдаир Зеурсович стал зваться не как-нибудь, а Александром Сергеевичем, но не Пушкиным, а почему-то Дворецким. Нравилось ему это словечко. И напрасно Афанасьев пытался объяснить, что Дворецкий – это скорее не фамилия, а должность, причем должность слуги, и уж если на то пошло, то можно именоваться и Лакейским или Метрдотельским – это еще звучнее.

Новоиспеченный Александр Сергеевич уперся (головой в потолок джипа) и не стал даже слушать журналиста.

Поджо с его молчаливого согласия – потому как говорить он не мог, а тупо жевал ремень безопасности, причем с большим ущербом для последнего – приклепали фамилию Одинцов (все-таки он был родным братом Эллера) и имя-отчество: Петр Тимурович.

Галлена стала зваться Еленой Леонидовной, потому как имя ее папы звучало как Лориер. В древнескандинавской мифологии сей славный родитель был известен под именем Локи, или Отец Лжи. Как оно звучало в христианской мифологии – об этом Женя Афанасьев предпочел не думать: при одной мысли, что его подозрения могут подтвердиться, по коже пробежали мурашки.

С молчаливой белокурой Анни проблем вообще не возникло – ее имя калькировалось на русский очень легко. Как Анна, разумеется.

Зато старый Вотан наотрез отказался переименовываться и заявил, что если молодежи это еще позволительно, то ему, старому богу, пусть даже и не предлагают.

– Лучше выколоть второй глаз, чем уродовать имя свое, прославленное в веках и в мирах, – гордо заявил одноглазый упрямец, вынимая из складок плаща прозрачный сосуд с полюбившимся благородным напитком (водкой).

Пришлось прийти к золотой середине и именовать экс-Одина на старинный лад, но в российском варианте: Вотан Борович Херьян.

Последнее имя, выступающее в свойстве фамилии, Вотан гордо перевел с древнего языка как «воитель», но Ковалев еле удержался от смеха и не сделал замечания, что лично у него этот самый «Херьян» ни с каким «воителем» не ассоциируется.

– Вас, почтенный, будут принимать за лицо кавказской национальности, – зловеще напророчил Женя Афанасьев и тут же прикусил язык.

Вотан посмотрел на Женю откровенно недовольно, но, вопреки ожиданию, не разгневался и даже позволил переименовать своего ворона Мунина (и так почти русская фамилия!) в куда как подозрительного – особенно на взгляд антисемита Коляна Ковалева – Моню.

– Мунин означает «Помнящий», – заявил старик, глядя иссиня-черные перья огромной птицы, – он помнит все, что непозволительно забыть.

2

Тем временем джип стремительно пожирал километры, оставшиеся до города. Ковалев, позабыв о том, что он в принципе довольно-таки пьян, позволял себе прямо шумахеровские виражи и лихачества, один из которых и вынес его из-за поворота прямо к КП ГИБДД. Отмашка полосатого жезла – и джип Ковалева свернул на обочину, а Колян, недовольно пошарив по карманам, вынул сто баксов. Потом, посмотрев на невозмутимо поглядывающих вокруг себя лохматых дионов, явно не отличающихся эстетскими изысками в одежде, пробормотал под нос совершенно загадочные для продолжающего жевать ремень безопасности Поджо, да и для его брата Эллера «Одинцова», прекрасно слышавшего даже самый легкий шепот, слова:

– Бляха-муха... еще подумают, что бомжей из Чечни вывожу... бородатые все, е-мое...

И вынул из кармана еще сто баксов. Молодцеватый лейтенант, подойдя к джипу, небрежно козырнул и неспешно проговорил:

– Старший инспектор Климов. Ваши документы. – Колян молча протянул ему одну зеленую бумажку.

– По-моему, вы пьяны, – спрятав бумажку в карман и загадочно прищулив один глаз, сказал старший инспектор.

Колян отвернулся, чтобы не распугивать своим дыханием непьющих гибэдэдэшных бактерий, дежурящих на физиономии лейтенанта, и протянул вторую бумажку. Климов раскрыл

прищуренный глаз, зато прищурил другой и, заглянув в салон, проговорил с видом похвального усердия в службе:

– Что-то везете много. Родственники?

– А что лапу-то не протягиваешь? – не выдержал Колян. – Родственники, родственники!

На, держи!!

И третья купюра с постной рожей американского президента переправилась в карман честного борца за порядок на российских дорогах.

Но Коляна, который не мог смириться с таким безнаказанным шантажом, уже понесло.

– Родственники! – повторил он. – Слушай анекдот, лейтенант. В тему.

Афанасьев взглянул на Ковалева с явным удивлением, а Эллер, Альдаир и две дионки, впервые слышавшие слово «анекдот», переглянулись и воззрились на лейтенанта. А Колян уже травил прямо-таки с галактическим запалом:

– Приходит мужик там типа в космическое туристическое агентство и говорит: мне типа отдохнуть, где тепло, но чтобы не жарко... а то телки будут потные. Ему типа и бакланят: ну, вот тебе путевка на Альфу Центавра, стоимость сто галактических тугриков. Не, говорит, не катит: там бабы страшные. Ну, тогда вот на Гамму Водолея... там бабы ничего. Нет, grit, не пойдет: жарко и мухи, как собаки. Ну, тогда вот тебе на Землю путевка – всего двадцать галактических тугриков. Мужик снова в отказ: не поеду. Да чем тебе на Земле-то не нравится, там и климат хороший, и бабы красивые! Нет, grit, не поеду. Нравственные они все больно. Я там в прошлый отпуск, ровно две тыщи лет тому назад был, с одной телкой закрутил, она потом забеременела – так они там до сих пор уgomониться не могут!!

Лейтенант удивленно воззрился на Коляна, очевидно не въехав в суть анекдота, а Афанасьев захохотал и выговорил сквозь смех:

– А я и не знал, что ты, Ковалев, такой интеллектуал! Ладно... поехали!

3

Дионы оказались куда ближе к людям, чем к богам. По крайней мере, так подумал Женя Афанасьев, окидывая критическим взглядом бассейн, где на большом надувном плоту плавал Поджо-«Петр» со вздувшимся от обжорства животом, а вокруг него нарезал круги его пьяный братец Эллер.

Галлена, Анни и Альдаир же сидели на краю бассейна и болтали ногами, причем все трое были в чем мать родила. Конечно, Афанасьев отметил, что анатомическое строение дионов немногим отличается от человеческого – быть может, лишь той гипертрофированной гармоничностью и атлетичностью, что придали скульптурам своих богов древние греки, – но именно это сходство и заставляло его усиленно пялить глаза на женскую половину делегации с двойной звезды.

И только Вотан Борович Херьян, десяткам поколений древних жителей Скандинавии известный под именем Одина, сидел, сиротливо завернувшись в свой голубой плащ, в шезлонге и гладил ворона Мунина – Помнящего. Столь опрометчиво переименованного в Моню.

По всей видимости, достоинство древнего бога не позволяло ему скинуть с себя одежду и броситься в воды бассейна так, как это делали его молодые соплеменники.

Афанасьев примостился рядом с Альдаиром и протягивал ему одну за другой бутылки пива, которые тот опустошал просто-таки с космической скоростью. Время от времени Женя успевал приложиться раз-другой к собственной бутылке, но тут встречал Колян, несший всякую чушь, как то:

– А интересно... типа смогли бы эти ребята развести того мусора на триста «зеленых», которые я ему скинул? Ну типа этим самым... гипнозом прищучить, как меня?

– А давай у него самого спросим... у новоиспеченного Александра Сергеевича, – беспечно ответил Женя, уже утратив леденящее чувство тревоги, время от времени переходящее в откровенный животный ужас, как было тогда, когда он впервые почувствовал на себе пронизывающий взгляд того, чей отец был древним богом... а потом и увидел другого древнего бога – то существо, которое, вероятно, одним взмахом руки замутило небо метелью, мгновенно охладив теплый летний воздух.

Неизъяснимое могущество.

Но теперь не странно было ощущать, что вот тут, рядом, на мостике голубого бассейна, такого современного и такого уютного, сидят эти удивительные люди... нет, конечно, их не назовешь людьми. А не странно, вероятно, просто потому, что по жилам разливался успокоительный алкоголь, а быть может, и потому, что мало чем можно надолго удивить современного русского человека. Так, как, скажем, можно удивить какого-нибудь американца, чтобы он потом несколько дней ходил и говорил, скаля все свои пятьдесят пять металлокерамических зубов и недоуменно пожимая плечами: «О'кей... ничьего не понимать! Это не может бывать!»

Афанасьев повернулся к Альдаиру и спросил:

– А как почтенный Вотан создал метель? – Альдаир только передернул атлетическими плечами и начал тупо тыкать пальцами в собственное предплечье, как будто массируя. За него ответила Галлена, которая, благополучно выдув на пару с Анни три литра мартини «Бьянка», теперь была в откровенно благодушном настроении и даже начала строить глазки Афанасьеву и Ковалеву. Чего она раньше не делала, ограничиваясь ледяными полупрезрительными минами и строго поджатыми губами.

И вот эти красивые чувственные губы, необычайно четко обрисованные, сейчас игриво вытолкнули в ответ на вопрос Жени Афанасьева:

– А ты не спрашивай у него... его даже собственный отец называл полным неучем. Да он такой и есть. А что насчет вотановских фокусов... так это очень просто. Не хочу объяснять... ну, как тебе сказать... вот из чего вы тогда в доме Коля Лысого (так она называла беднягу Ковалева) вынимали бутылки?

– Холодильник.

– Ну да. И вот старый Вотан сработал на манер огромного холодильника, только задействовал для этого большую мощь, чем... Ладно, не буду больше! Я не заумная... просто училась в школе, прошла аж два уровня, а потом... потом меня выгнали. – Она наклонилась к самому уху Афанасьева и, выгнув спину так, что у того перехватило дыхание, промурлыкала: – Выгнали за это самое... чем была еще грешна моя матушка.

И она улыбнулась так красноречиво и вызывающе, что из позвоночного столба Жени буквально выбило искры. Не надо объяснять, что он прекрасно понял, чем была грешна матушка Галлены и ее великолепная дочь.

– А налей-ка мне еще того напитка, что давал нам Коля. Мне очень понравилось...

И в этот интригующий момент, когда Галлена, позабыв о том, что она дочь древнего бога этого мира с голубым небом, позабыв о том, что она сама претендует на то, чтобы повелевать всеми его обитателями, начала кокетничать с Женей, словно обычная земная женщина, – в этот момент ворон Моня сорвался с плеча Вотана и, заложив головокружительный вираж, камнем рухнул вниз.

Выйдя из пике в полуметре от поверхности воды, он сделал круг вокруг бассейна, а потом завис под самым потолком и каркнул:

«КАРРРР!!!»

Сказать, что это было обычным вороньим граем, – значит, здорово погрешить против истины. Звук раскатился по всему залу, отразился от воды, забился под потолком, как птица бьется о стекло, и клинками вонзился в уши всех присутствующих.

Даже Вотан вскочил со своего места, а Колян Ковалев – тот и вовсе прохрипел какое-то жуткое матерное ругательство и, зажав уши ладонями, повалился в бассейн.

Афанасьев почувствовал, как упругая жаркая волна рванула его барабанную перепонку, вдавила ее, словно Женя погрузился в воду метров эдак на десять. Тупая боль сдавила голову журналиста с обеих сторон, и он машинально прикрыл уши ладонями, чувствуя, как гулко запульсировала в висках кровь.

– Что с ним? – рванул воздух рык Альдаира, аЭллер, помедлив, присовокупил к сказанному короткую, но чрезвычайно насыщенную бранную реплику.

Вотан взмахнул рукой, и ворон, сорвавшись из-под потолка, точно спикировал на запястье хозяина. Вотан уставился в зрачки своего пернатого друга, и чем дольше он смотрел, тем больше мрачнело его и без того суровое лицо. Наконец он поднял свой единственный, налившийся кровью глаз к потолку и долго стоял так, пока Галлена осторожно не спросила у него:

– В чем дело... Вотан?

– Мунин пророчит беду, – ответил тот. – Он чувствует, что где-то пробудился его собрат – тот, что когда-то сидел у меня на левом плече.

– Разве он остался здесь?

– Два ворона было у меня, – неспешно выговорил одноглазый древний бог, – один сидел на правом плече, и прозывался он Мунин – Помнящий. А второй ворон сидел на левом моем плече, и прозывался он Хугин – Мыслящий. В час гибели богов Хугин остался здесь, в этом мире, и остался он с тем, кто не вернулся с нами на Аль Дионну. И не потому, что погиб, а просто не захотел вернуться...

– Кто? – почти шепотом поинтересовался Альдаир, и Афанасьев поразился тому, как тихо, бархатно-вкрадчиво прозвучал его зычный голос, который он обычно использовал децибел на сто – эквивалентно эдак шумовым характеристикам летящего поезда.

К Вотан повернулся к Галлене, и его сухой длинный палец, выпроставшись из-под рукава плаща, указал на ее.

– Я? – пожала обнаженными плечами дионка и поднялась во весь рост с такой грацией, что Афанасьев чуть не встал вслед за ней – вместе со своим функциональным органом, упорно растягивающим плавки последние несколько минут.

– Галлена? – недоуменно выговорил и Альдаир. – При чем тут она?

– Я думал, что он, Отец Лжи, умер и навеки ушел эту землю, – сумрачно произнес Вотан. – Я думал, что не заплещет крыльями час беды, как тогда, в дни Рагнарека, не прольется звук трубы и не падет на окровавленный снег слово вельвы...

– Короче, дед! – как всегда некстати пискнул Поджо, до этого момента молчавший, а теперь, когда молчание было просто необходимо, вдруг разродившийся словесным выкидышем.

Вотан поднял на внука сверлящий взгляд единственного своего глаза – и незадачливый толстяк Поджо вдруг упал с резинового плота в воду с хриплым придушенным стоном.

– Лориер пробудился! – изрек Вотан. – Лориер пробудился! Великую тьму разбудили мы своим появлением на этой земле. Простите меня.

И он, повернувшись к Афанасьеву и Ковалеву, вдруг откинул шляпу и склонил перед ними голову. Жидкие пряди седых волос свесились почти до земли, и закрыли лицо старого бога-диона, узнавшего о Бедѣ.

– Мой отец? – проговорила Галлена. – Ты же говорил, Вотан, что он умер. Ты же говорил, что он умер!!!

– Нет... просто я НАДЕЯЛСЯ, что он умер. Но Мунин... сообщил мне, что Хугин возвестил о его пробуждении. Лориер идет.

– А кто это такой – Лориер? – спросил в ватной тишине Ковалев, который хоть и не отличался особым умом и познаниями в мифологии, но тем не менее почувствовал серьезность слов старого Вотана.

– Когда я был богом на этой земле, мы называли его Локи, Отец Лжи, – ответил Вotan. – Но позже... позже, когда мы ушли, а он остался, чтобы стать ЕДИНСТВЕННЫМ, он прославился под другим именем.

– Каким? – затаив дыхание, задал вопрос Женя Афанасьев и бросил взгляд на статную фигуру Галлены: что же за чудовище было ее отцом?..

– Ты должен знать его. Я вижу в твоём мозгу страшное имя, и даже в его мозгу, – Вotan показал на Коляна, – даже в его мозгу, где теснятся непонятные мне слова ничтожного и темного смысла – «бля», «е...ть», «в натуре», даже среди всего этого есть его имя. Это имя – Люцифер.

Все сжались. Мунин сорвался с плеча Вотана, и вновь крик разорвал надвое его клюв, сорвавшись...

4

...каплями воды со стены прибрежного утеса. Ворон закружился в голубом небе, разламывая набрякший перед грозой, словно налившийся свинцом тяжелый воздух, недобрый, как хриплое дыхание убийцы... Закружился, а потом вдруг пал вниз, вдоль отвесной стены, блестящей прожилками слюды.

И опустился на плечо человека. Человека ли?

– Хугин, – тихо произнес человек, – ну вот и я. Я долго ждал этого часа. Но напрогноченное и разлитое в первичном эфире всегда сбывается. Сталь становится воском, небо падает на землю, и у змей растут крылья... Хе-хе. Идем, Хугин. У нас будет много дел.

И темный силуэт шагнул вперед, вогнавшись в скалу; по ее поверхности пробежало слабое прерывистое мерцание... скала пророкотала что-то недоброе, глухо сведенное болью – и у камня есть своя боль! – и через мгновение не осталось даже тени на песке, которая могла бы ответить на вопрос: КТО был здесь?

Глава четвертая

«ТЕО-БАНК» ЛОПАЕТСЯ, ТАК И НЕ УЧРЕДИВШИСЬ

1

– Почему именно «Тео-банк»?

Вопрос завис в воздухе вместе с Поджо, который, вцепившись зубами в дверной косяк, раскачивал свое массивное тело на манер качелей. Осталось только удивляться крепости его зубов и еще выпить за упокой души его стоматолога: тот, по всей видимости, умер голодной смертью без работы.

– «Тео-банк»? – повторил Афанасьев задумчиво. – А это очень просто, уважаемые кандидаты в боги. Тео с древнегреческого языка и переводится как бог. Теос – бог. Древняя Греция, – тотчас же добавил он, – это такая страна, где почитался в качестве верховного божества ваш родитель, уважаемый Альдаир. Кстати, как поживает Зевс на родине?

– Умер, – мрачно признался Альдаир, наблюдая, как Поджо падает на пол вместе с выгрызленным из дверного косяка куском в зубах. – От старости скончался на руках детей.

«Великий бог Зевс Громовержец, умерший от старости... Смешно», – подумал Афанасьев, и тут же могучая рука диона приплющила его к полу:

– Ничего смешного, презренный!

«Черт побери, ведь они читают мысли с той же легкостью, с какой я прочитал бы букварь для первоклашки!.. Совсем, совсем забыл!»

– Вот именно, – сказал Альдаир, сменив, однако же, гнев на милость, – и впредь будь разборчив в своих мыслях. Неведомо мне, что такое «первоклашка», но, наверно, что-то вроде букашки и таракашки. А ты причесывай свои мысли, иначе выдерну я их, словно волосы с головы твоей. Уяснил сие?

– Да... Александр Сергеевич, – заставив себя говорить льстиво, отозвался Женя и открыл зубы в вымученной улыбке. Обращаться к своим мыслям еще раз он посчитал неизмеримой вольностью и роскошью: черт его знает, но этот проклятый Альдаир видит его череп насквозь, как аквариум с плавающими в нем золотыми рыбками.

Вошел Колян и с порога обратился к Афанасьеву:

– Женя, насчет банковского офиса я договорился, юристов подключил, оформление идет, но нужен конкретный нал. Бабла недостаточно, нужно еще наструтать.

Женя, который уже битый час объяснял наиболее толковым дионам, Альдаиру и Галлене, суть готовящейся операции, даже не успел ответить. Новоиспеченный Александр Сергеевич Дворецкий встал в полный рост и величественно обратился к Ковалеву:

– Как смеешь ты, наглец...

– Своим нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое с песком и илом, – пробормотал Афанасьев.

– Кто это изрек? – Белокурый дион развернулся всем своим монументальным корпусом. – Да как ты посмел?

– Это не я посмел, а некто Крылов Иван Андреевич, – отозвался Афанасьев, ощущая первые (а потом и вторые) признаки негодования, – он-то и изрек.

– За эти слова его мало испепелить, – уже добродушно проворчал Альдаир, усаживаясь обратно на кованный диван.

– Поздно. Он умер почти два века назад. От заворота кишок. Переел, понимаете ли, – проговорил Женя и выразительно покосился на Поджо, который крутил в руках фарфоровую

пепельницу в форме бублика, а потом с хрустом откусил половину. – Тоже ел много и не по делу.

– Два века? – легкомысленно взмахнув руками, отозвалась Галлена. – Ну, это не то препятствие, чтобы, взгромоздившись на дороге, стать непреодолимым.

Тогда Женя еще не понял, ЧТО имела в виду представительница слабого дионского пола. Два века, которые не могут стать препятствием, – это не могло уложиться в обычной человеческой голове.

Процесс учреждения банка закипел.

Все неприятности делятся на ожидаемые и неожиданные. К первым еще можно подготовиться, встретить их, так сказать, во всеоружии. Мудрые римляне не зря говорили: кто предупрежден, тот вооружен. А вот неприятности, имеющие свойства чертика из табакерки, появляющиеся неизвестно откуда, неизвестно зачем и неизвестно каким образом, подобием, манером, – с этим сложнее.

Именно к таким неприятностям следует отнести то, что произошло с еще не рожденным предприятием – СП «Люди & дионы». «Тео-банком».

В тот момент, когда юрист Козловский спокойно договаривал условия получения банковской лицензии, регистрации юридического лица и перечислял тому подобные юридические нюансы, дверь распахнулась, и ввалился старый Вотан Борович Херьян. Выглядел он, что и говорить, диковато, особенно в контексте городской повседневности. Общими усилиями удалось заставить его надеть рубашку, брюки и даже шляпу, но ничто не могло заставить его отказаться от совершенно дикого драного плаща и невероятных по своему дизайну старых опорок, которые даже обувью не назовешь. В таком виде Вотан Борович и рассекал, сподобившись уже дважды выйти на улицу и оба раза угодив в переплет. В первый раз его приняли за нищенствующего маргинала два мента и собрались уже было применить соответствующие меры, как вмешался Афанасьев и спас несчастных коллег Васи Васягина от зимы Фимбульветер, громов, молний и тому подобных штучек, в изобилии имевшихся в арсенале престарелого божества. Во второй раз он до полусмерти напугал какую-то рыхлую гражданку с сумками, громоподобно крикнув ей, будто она похожа на властительницу царства мертвых, великаншу Хель.

Вот и теперь, судя по тому как морщины прорезали лицо Вотана Боровича, сделав его похожим на модель горного кряжа в миниатюре, вид сверху, – что-то произошло. Вотан опустился в кресло с такой силой, что несчастный предмет интерьера крикнул и откатился к стене. Вотан выкинул перед собой громадные длинные ноги в чудовищных опорах и, выставив вперед нижнюю челюсть, завел чуть ли не стихами из скандинавского эпоса:

– Владею тайной я, которую отдать намерен ветрам, несущим зерна жизни, и зраку черному луны, всходящей в полночь.

– А если попроще? – буркнул рыжеволосый Эллер. – Ты, дед, будь проще, и люди к тебе потянутся.

«Фраза из репертуара Коляна Ковалева, – отметил Афанасьев и тут же, поймав на себе взгляд Эллера, домыслил на редкость лстыиво и угодливо, – эти превосходные пришельцы, будь славны они в веках, овладевают нашим языком с быстротой, достойной горного потока!.. О великие!»

Эллер довольно кивнул. А вот Вотан пребывал в гневе.

– Проще? Проще изречет тебе козлище твой, Тангриснир зловонный! – не унимался новоиспеченный гражданин Херьян, бывший определенно на взводе, как будто в зад ему воткнули не одно, а целый комплект шил. – Как смеешь ты говорить так с дедом? Молчи, негодное порождение ветра! Не то...

Старый маразматик затопал ногами, а потом, швырнув на пол свою собственную шляпу, принялся топтать и ее. Судя по тому состоянию, в каком она находилась, это надругательство свершалось над ней не впервые.

Редкие седые волоски тщедушной копной упали на широченные костлявые плечи неистовствующего диона. Вотан топтался и загребал ногами, как кот, зарывающий только что наделанную кучку. Люди (в составе Афанасьева, Коляна Ковалева и юриста Козловского) и дионы в полном составе ожидали, выражаясь по-современному, окончания шоу. В чем дело? Старый Вотан не похож на челове... тьфу ты!.. не похож на существо, которое будет пузыриться, пениться по пустякам. Значит, что-то случилось.

Наконец танец гнева в исполнении Вотана Боровича прекратился. Он подобрал с пола свою потасканную мятую шляпу, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что к ней прилип окурок и остатки бутерброда, брошенного на пол негигиеничным Поджо.

– Пребываю я в радости великой! – вдруг объявил престарелый танцор.

«Ну и дедуля, – безо всякой боязни подумал Афанасьев, потому что и Альдаир, и Эллер, и все остальные дионы пропускали сквозь свои мозговые клетки сходные мысли. – Ну и дедуля! Если он радость выражает такими варварскими методами, с вышибанием двери, танцами на шляпе и так далее, то каков же он в ярости?.. Помесь разъяренного бегемота с паровозом, сходящим с рельсов? Наверное».

– Ибо вложен в мою десницу ключ к этому миру и власть суждена нам великая! – прогрохотал почтенный Вотан Борович, совершенно не обременяя себя введениями и предисловиями.

Все смолчали, а юрист Козловский, не привыкший к оборотам и децибелам экс-божества, вышмыгнул в соседнюю комнату, заперся там, заткнул уши и ничком повалился на ковер.

– Дед, – поинтересовался Эллер, – ты что, снова напился человеческого пойла?

Нет надобности говорить, что имелась в виду водка. Эллер быстрее прочих дионов отбросил дурацкую манеру изъясняться высокопарно и муторно, как принято у детей Аль Дионны, и перешел на разговорную русскую речь, как известно не менее великую и могучую. Последнего упорно не хотел и, если угодно, не мог сделать старый Вотан Борович. Ветеран божественного промысла упорно изъяснялся словесами, в которых сам черт (или, если угодно уважаемым дионам, Лориер) сломал бы ногу.

– Видел я сон, коему суждено сбыться, – сказал Вотан. – Привиделась мне дорога. Она изгибалась, как излучина реки, и блестела, как лед. Я шел по дороге, и она выскальзывала из-под ног, будто была соткана из этого льда. А на излете пути узрел я полынью, затягивающуюся молодым ледком. Вокруг полыньи, как грозные стражи, застыли торосы. А потом лед начал таять, он вывертывался из-под ног моих, убывал на глазах, аки убегающий во тьму испуганный зверь. И открылась мне степь великая. Высокая трава гудела. Ветер путался в стеблях и падал ниц. А передо мною, на расстоянии протянутой десницы, на кончиках травных покоился прозрачный хрустальный шар. Вдруг он вздрогнул и начал съеживаться, сереть и упал к моим ногам странным серым комом. Зажужжал тот ком, как пчелиный улей, и потянулась из него, словно язык змеиный, широкая белая лента. Взял я сию ленту, и оказалась она пергаментом выделки дивной, тонкой, а на пергаменте том проступали диковинные словеса. Исполнился я мудрости и прочел те словеса, и возрадовался сердцем. Ибо предвещает это великие свершения!!

– Этот жужжащий серый ком, – наклонился к уху Коляна Ковалева его приятель Афанасьев, – уж очень напоминает мне по описанию... факс. А белая лента из «пергамента»... ну, сам понимаешь.

– Ты что, думаешь, старикан надрался и, забредя в одну из офисных комнат, наткнулся на факс?

– Запросто.

– И счел это предзнаменованием свыше?

– Легко. – Афанасьев весело улыбнулся и, видно забыв о чудесных паранормальных способностях дионов, наклонился к уху Коли Ковалева и прошептал: – Это еще что. Факс! Поду-

маешь! Тут творятся дела и похлеще. Наш Вотан не далее как вчера, пока все его коллеги отсыпались с дорожки, забрел в туалет. Обычный такой туалет: унитаз, бачок, кафель, цивильно, как и положено в крутом офисе. Не знаю, что ему пришло в голову, но только не то, что положено в туалете. Наверное, он подумал, что если банк – это храм нашего бога, то туалет во всем его унитапно-кафельном великолепии – это что-то вроде алтаря. Вотан Борович и решил задобрить нашего бога. Стал произносить перед бачком речь. Мне, конечно, приходилось слышать, как в туалете произносят речи, но чтобы так... Последний раз на моей памяти беседовал с унитазом Виталия Федоров, который сейчас сидит в дурке по факту белой горячки. Виталия был славный индивид на ниве потребления горячительных напитков, он этот унитаз принял за свою подружку Анюту и хотел... Ну, в общем, ему ничего не удалось. А вот чтобы туалет принимали за алтарь – это, я тебе скажу, случай!.. В общем, Вотан беседовал с бачком до тех пор, пока не разозлился. А разозлился он потому, что унитаз с бачком – оп-па!! – ему не отвечали!!! Ну, он и дернул за слив. Честно говоря, я...

Договорить Афанасьев не успел. Нет, вовсе не потому, что дионы прогневались на его речь о бачке и Вотане. Просто раздался резкий звонок в дверь, и Колян Ковалев, подойдя к монитору, подключенному к камерам внешнего наблюдения, увидел на нем странную физиономию. Физиономия имела хитрое выражение и старательно шурила левый глаз. На голове у персоны имелся котелок, а щеки были обрамлены бакенбардами, что делало гостя похожим на актера, задействованного в историческом сериале.

– Добрый день, – проговорил тип, – я, так сказать, по делу. Во вновь создающуюся структуру. «Тео-банк», если не ошибаюсь?

Сказав это, особа раскрыла левый, доселе прищуренный, глаз и подмигнула уже правым.

– По делу? – довольно грубо спросил Ковалев. – По какому еще это делу? Организация еще не функцио... фунци-о-ни... не работает. Придите на следующей неделе, во вторник. Всё!

Однако посетитель не желал исчезать с экрана монитора.

– Вы, наверно, не поняли, – вежливо продолжал он, и в его голосе разлились прямо-таки медоточивые нотки, – вы сами назначили мне встречу именно в этот день и час, к тому же на этом месте. Посмотрите справа от вас, у локтя. Там должна лежать моя визитная карточка. А на обороте вашим, дорогой Николай Алексеевич, почерком написана сегодняшняя дата и время. Благоволите полюбопытствовать.

– Кого это несет? – высунулся рыжебородый Эллер.

– Да какого-то осла, – буркнул Ковалев, только что так вежливо поименованный по имени и отчеству, к тому же каким-то клоуном, которого он и видел-то в первый (и в последний, как рассчитывал Колян) раз в жизни. – Говорит, что ему назначено. Какого черта?.. Его визитка... и... чего?

Произнося два последних слова, Колян Ковалев издал протяжный горловой звук, напоминающий клокотание, насморочное клокотание засорившейся раковины. Он увидел, что возле его руки в самом деле лежит прямоугольный кусочек картона, на котором рукой Ковалева написана дата, адрес офиса и время: 14.30. А также имя – Добродеев А. В.

– Кто такой? Почему не знаю? – пробормотал Колян, в голове его почему-то не отложилось ни малейшего намека на факт договоренности с каким-то Добродеевым на предмет встречи. – Вроде не пил вчера... Половина третьего... ну да, все правильно. Что я, в самом деле этому клоуну назначил?

И он, перевернув визитку, увидел следующую примечательную надпись: «ДОБРОДЕЕВ Астарот Вельзевулович. Кандидат сатанинских наук, магистр инферно. Российское представительство транснационального концерна „Vade Retro, Satanas & Co“^{note 2}.

^{note 2} Изыди, Сатана и Компания(лат.).

Такой шутки с Коляном Ковалевым не выкидывали с тех пор, как его коллеги по бизнесу братья Вертопрахины прислали ему новогоднюю повестку из прокуратуры.

2

Ковалев нахмурил брови и нажал на клавишу, деблокируя входную дверь. Гражданин Добродеев вкатился в офис подвижным ртутным шариком. Замечательно, но в жизни он не походил на ту ехидную персону, которая впервые появилась на мониторе Коляна Ковалева. Облик его был смазанным, как на старой фотографии, а черты лица как будто собраны от самых серых и непримечательных людей, каких только можно изыскать. Бакенбард у него не было и в помине, но в самом деле: не сбрил же он их за те несколько секунд, пока поднимался по лестнице! Колян, впрочем, не придал этому никакого значения. Он даже не заметил. Как, верно, не заметил и того, что у странного посетителя появилась лысина и борода с усами, придававшие ему известное сходство с вождем мирового пролетариата. Котелок же, украшавший голову господина Добродеева, куда-то исчез.

– Здравствуйте! – решительно сказал А. В. Добродеев, вкатываясь в офисную приемную и решительно тряся руку Коляна Ковалева. – Очень, очень рад!.. Большая честь!.. Всемило-стивейше!..

Гражданин Добродеев и изъяснялся как-то не по-людски, экспансивно оборванными фразочками, которые он не доводил до логического завершения. Он подпрыгнул перед неприятно удивленным Коляном и продолжал сбрасывать свою словесную лавину:

– Вы, так сказать, решили открыть новое дело! Замечательно и, я бы сказал, примечательно! В самом деле, то, чем вы занимались до этого!.. Я хотел сказать!.. Словом, любезный гражданин Ковалев, с вами я познакомился и теперь хочу представиться вашим хозяевам.

Колян нахмурился. Мало того что этот малопрятный тип ввалился в офис, когда его никто не ждал, так он еще обнаружил у него, Коляна Ковалева, каких-то «хозяев»! Как будто он, Колян, раб, холоп или, того хлеще, пасется под ментовской «крышей»! Колян решил, что тип вполне заслужил хорошего присыла под дых или полукрюком по наглой морде.

Пока Колян дулся и пружинил мускулы, гражданин Добродеев испарился, не дожидаясь окончания этих физиологических процессов. Он появился в комнате, где сидели дионы и Женья Афанасьев, словно соткался из полумрака в углу зала. Потрогал гладкий подбородок (а где борода?!) и начал с места в карьер:

– Очень важное известие! Чрезвычайное происшествие! Хочу поздравить вас, любезные альдионниты, с прибытием... хе-хе-с... в вотчинные земли. Чрезвычайно рад и многим могу помочь.

– Ты кто такой будешь? – рявкнул на него белокурый Альдаир, отодвигаясь от стены.

– А вот он знает! – Палец бойкого посетителя ткнулся в растерянного Коляна, появившегося в дверях. – У него, так сказать, моя визитка имеется! Да-с! А вообще, уважаемые, могу сказать, что я много о вас слышал и вообще предполагал, что вы можете появиться здесь, в мире Земли. Однако же вы оказали мне честь, появившись, так сказать, в моем филиале концерна «Ваде Ретро» в той части суши, что именуют Россией. Вы не смущайтесь, что я так бойко сыплю. Каждый глава представительства вынужден приспособливаться к национальному колориту. Если бы я вовремя не отреагировал, то, без сомнения, получил бы на орехи от моего босса. Вам, уважаемый, – он повернулся к Вотану и рассыпался в серии многочисленных почтительных поклонов, один другого ниже, – без сомнения, известна персона моего босса. – Нельзя сказать, что старый дион воспринял эти слова, сказанные самым сладким и почтительным тоном, благосклонно. Хотя обычно он был падок на лесть. Вотан Борович выка-тил свой единственный глаз до пределов, отпущенных природой, и гаркнул:

– Вижу тебя насквозь, презренный! Убирайся, я не буду держать с тобой речь, ибо говорить с тобой – это все равно что лизать языком коровье дерьмо!

– Не спешите с выводами, почтенный Вотан, – ухмыльнулся Добродеев, по-видимому нисколько не смутившись таким приемом. – У меня ко всем вам, уважаемые, есть чрезвычайно важный, чрезвычайно насыщенный разговор. Это великая честь, что именно я могу говорить с вами. – Добродеев перешел с обрывков восклицаний, которыми он изъяснялся с Коляном Ковалевым, на вполне вменяемую манеру общения. – Я слышал, что, явившись в вотчинные земли, решили вы создать современную структуру. Очень, очень похвально! Теперь на старом опыте далеко не уедешь! Даже я, Астарот Добродеев, кандидат сатанинских наук....

– Простите, – перебил его Афанасьев, – если вы кандидат, то кто же тогда доктор... этих самых наук?

Добродеев воздел кверху указательный палец с видом назидательным и загадочным:

– О! Зрите в корень. Так вам докторская дочка скажет. – Он повернулся к Галлене и нырнул в самый почтительнейший, самый верноподданнический поклон. – Вы, прекрасная Галлена, даже и представить себе не можете, как ваш батюшка по вас соскучился.

Все с неприятным изумлением увидели, как в углу его глаза назрела и укрупнилась блестящая слеза и капнула на пол. Не долетев до линолеума каких-то три сантиметра, она сверкнула и, обратившись в маленький бриллиант, покатилась по полу. Эллер нагнулся и подобрал. Попробовал на зуб и, не выказав никакого удивления, сунул в карман.

Женя и подошедший Колян выпучили глаза.

– Откровенно говоря, – продолжал болтливый посетитель, – формы моего обращения к вам устарели. Вот что я сейчас сказал? «Прекрасная Галлена». В то время как вы мудро применили свои родовые имена к условиям окружающей действительности. Итак, Елена Леонидовна, – деловито кивнул он, – вы решили основать банк. О, решение верное! Только деньги, только деньги имеют власть над современным миром! И все труднее работать нам, людям и нелюдям старой закалки. Вот, к примеру, мой почтенный дедушка, черт третьей категории Бес Петрович. Вынужден уйти на пенсию по должностному несоответствию. Дело в том, что он никак не мог отойти от мысли, что вовсе не он, черт, движет паровозом, а – пар. Если он таких элементарных вещей уразуметь не в состоянии, то что уж говорить о современных компьютерах и продвинутых технологиях. Вот и списали старика на покой.

Все слушали и поочередно разевали рты, не успевая вставить и словечка. Даже громогласный рыжебородый Эллер.

– Время идет, время убегает! – неистовствовал кандидат сатанинских наук Добродеев, бегая по офису мелкими дробными шажками. – Даже сам доктор сатанинских наук вынужден принаравливаться к его требованиям. Вот, бумаги у себя в адской канцелярии распечатываем на лазерном принтере. Я скачал у него... тссс!!! – Говоря это, гражданин Добродеев оглянулся с видом в высшей степени вороватым и приложил палец к губам. При этом на макушке у него вспухли и выросли рыжие волосы, похожие на мох. – Собственно, с этим я к вам и пришел, – почти шепотом закончил гражданин Добродеев, бухаясь на диван рядом с оторопевшим Афанасьевым и толстым Поджо, безмятежно дремавшим, явно не демонстрируя никакого интереса к окружающей действительности. – Хочу предложить вам свои услуги. Вы ведь, если я не ошибаюсь, собираетесь снова овладеть миром, не так ли?

– Ты откуда знаешь? – рявкнул Эллер. Добродеев перегнулся вперед, точно его вот-вот должно было вырвать, открыл рот и медленно выговорил:

– А я, вообще, хорошо информирован. Все-таки глава российского филиала концерна «Ваде Ретро». Раньше по скудоумию и отсталости развития эту почтенную организацию именовали то адом, то преисподней, то вообще непонятно как! Причем именовали те, кто понятия обо всем этом не имел! Это-то и обидно.

– Коррроче!! – подал голос Вотан Борович, а его ворон каркнул так, что у всех присутствующих, исключая сыто дремлющего Поджо, заложило уши.

– А короче не имеет смысла. Вы же должны уразуметь, что я, собственно, за персона.

– Мы поняли, что ты за персона, – насмешливо отчеканил Альдаир. – Слышал я от отца про ваш народец... Некоторые из ваших в его время в сатиры по найму шли, нимф там и менад тискали... знаю.

– Я хотел бы вам помочь, – продолжал Добродеев. – Нет, я все понимаю!.. – Он снова вскочил с дивана и заметался по комнате с отскоком от стен. – Вы могущественные дионы, а я простой нелюдь, хотя уважительно меня следует именовать инфернал.

– Так ты черт, что ли? – брякнул Ковалев. – У меня был один знакомый, выдавал себя за мумию Мао Цзе-дуна. Сидит в дурке.

Добродеев с достоинством пригладил свои изменчивые волосы и, прокашлявшись, заговорил:

– Да, мы – то самое, что вы, люди, называете нечистой силой. Хотя не скажите, господа. Нечистая! Я вот сейчас проехался в метро, там валялся какой-то тип, который, наверно, не считает себя нечистой силой. Ну от него разит так, что у меня слезы потекли. Нечистые! Мы такие же полноценные жители планеты, как и вы, люди. И не надо называть нас чертями, бесами, демонами, дэвами да еще барабашками какими-то... надо соблюдать политкорректность. Вот попробуйте назвать в Штатах афроамериканца нигером. Так вас по судам замытарят. А мы!.. Зовите нас просто: инферналы. Да, мы другие! Просто мы немного в другой плоскости... У нас тоже – население. Поменьше, конечно, чем у вас, людей, но миллионов сто будет. Но у нас, признаться, таких безобразий, как у вас здесь, не творится. Нет, были отдельные отшепенцы нашего рода, которые безобразничали у вас, у людей. Так ведь и люди в нашем мире бедокурят так, что не приведи господи... тьфу! До чего договорился! – Астарот Добродеев высунул малиновый язык, и на его кончике вспыхнуло и увяло ядовито-желтое пламя, а сам инфернал сморщился от боли.

– Шутка! – громко сказал Ковалев. – Ну ты клоун, братец!

– А может, и клоун, – сердито ответил тот. – У меня это в контракте записано! Мало ли... Зато у меня есть ключ. Ключ к этому миру. А если быть чуть более точным – СЕМЬ ключей. Семь Ключей Всевластия, уважаемый Вотан!! – Добродеев резко повернулся на каблуках к старому диону, в данный момент шарившему своей шершавой лапой у себя под плащом.

Одноглазый бог старого мира вздрогнул, и из-под его плаща, шурша, полетели желтые и красные осенние листья. Ясеновые, дубовые, березовые...

Афанасьев, взявший себе за правило уже ничему не удивляться, пробормотал:

– Фокусники... Вообще-то май на дворе.

– Семь Ключей Всевластия, – повторил Добродеев, не спуская глаз с уважаемого Вотана Боровича.

3

Реакция Вотана, как обычно, была такой же непредсказуемой, как у пьяного слесаря, уронившего себе на ногу тяжелый гаечный ключ.

Он единым широким движением переместился прямо к круглому Добродееву и, схватив того своими большими костлявыми руками за горло, поднял к самой люстре. И затряс, приговаривая:

– Подлый лазутчик, лиса и сын лисы! Как смел ты совать свой нечистый нос в дела тех, кто были и будут богами?!

– Ну вот, – прохрипел явно озадаченный Добродеев, чьи ноги, обутые в дорогие замшевые туфли, болтались в метре от пола, – стоит содейть благо, как тут же и благодарность!

Эллер и Альдаир, бросившись с двух сторон, оттащили Вотана Боровича от сильно помятого гражданина Добродеева. Тот сидел на полу, вращал желтоватыми глазами и моргал. Придя в себя, он помассировал короткими пальцами свое покрасневшее горло и проговорил:

– Понимаю. Понимаю ваш гнев, Вотан Борович. Однако же я при исполнении, зачем на меня нападать? Тем более что я хочу сыграть на вашей стороне. Считаю, что чему быть, того не миновать. Э-эх! Вот он, список семи Ключей, которыми нужно обладать, чтобы овладеть этим миром. Скачал из головного компьютера самого доктора сатанинских наук! Рисковал, принес вам – и вот, понимаете ли, благодарность!

– Доктора сатанинских наук? – быстро переспросил Женя Афанасьев. – Это кого, Люци...

– Тссс! – Добродеев приложил палец к губам. – Не надо называть ни одного имени из всего легиона его имен. Иначе он нас услышит, и тогда меня, так сказать, спишут в утиль. Видите, скольким я рискую? А он – рукоприкладствовать.

Обиженный гражданин Добродеев начал медленно подниматься. Потом вынул из кармана аккуратно сложенный вчетверо лист и нарочито виноватым тоном проговорил:

– Не в папочке, конечно, и не в файле. Но мы все тут разумные существа, должны понимать, что содержимое ценнее содержащего. Конечно, сакральный свиток должен выглядеть по-иному, а вовсе не как обычная компьютерная распечатка – но инновации, батенька, инновации!!

Альдаир взял лист из рук Добродеева и прочитал:

– «...верхушка посоха пророка Моисея». Что за чушь и нелепица? «Кинжал из бока Гая Юлия Цезаря, со свежей кровью...» Ничего не понимаю. Ну ты, Добродеев, объясни!

– А драться не будете?

Альдаир смерил взглядом мрачного Вотана, тот раскрыл свое единственное око, и в нем что-то тускло сверкнуло. Альдаир кивнул и, повернувшись к Добродееву, произнес:

– Не будем. Скажи спасибо, любезный, что тебя вообще не раскрошили на кусочки.

– На кусочки, на молекулы, на атомы, – пробурчал Добродеев, становясь совершенно лысым. По его словно бы отполированному черепу пробежали веселые солнечные зайчики. Впрочем, подобные метаморфозы кандидата сатанинских наук уже никого не удивляли, даже Коляна Ковалева, уже решившего, что с завтрашнего дня завязывает с бухлом.

– Это очень важные сведения, – продолжал Астарот Вельзевулович несколько более выдержанно, – мне удалось скопировать их из базы данных самого Хозяина. Наверное, перечень из семи предметов, имеющийся здесь, он составил не так давно. Я думаю, что ваше пришествие заставило его поспешить и... немного раскрыться, что ли. Я сумел стянуть информацию из-под его носа. Вы спросите: зачем я играю против него? – опережая события, резво тараторил гражданин Добродеев. – А вот так! Тирания никогда и нигде не поощрялась, даже в мире inferno. Тем более что я тесно взаимодействую и с людьми и вижу, что тирания – это отмирающая форма правления. Да-а-с! Босс, доктор сатанинских наук и прочая, устарел. Да-а-с, он устарел! Он возглавляет inferналов вот уже много тысячелетий, а ведь и мы не вечные. Вот мне, например, двести тридцать лет, и до печального исхода мне осталось каких-то триста лет. Ну, может, с хвостиком, – добавил он, почему-то оглядываясь на собственный зад.

– Короче, ты слил своего босса, – неожиданно для себя самого сказал Колян Ковалев. – Типа перекинулся к конкурентам, которые, значит, перспективнее. И больше забашлять могут.

– Совершенно верно выразиться изволили, Николай Алексеевич, – вежливо закивал Добродеев. – Я подумал, что мне с вами по пути. Так вот, о списке моего босса. Ему удалось найти семь Ключей от этого мира, которые, будучи уложены в определенном месте, дадут власть

огромную. Осталось только добыть эти Ключи, однако же, как я понял, Хозяин еще не успел этого сделать. И нужно опередить его. Ах да! Совсем забыл! – И он щелкнул пальцами.

Альдаир некоторое время тупо тарасился на список, извлеченный ловким Добродеевым из своего кармана, а потом сунул лист Афанасьеву со словами:

– А ну прочти, тут на каком-то черт знает... на другом языке стало. Не понимаю. Опять твои штучки? – зыркнул он на Добродеева.

– Да, – потупился тот. – Когда я щелкнул пальцами, текст из русского стал латинским. На латыни было у босса, я было перевел на русский. А теперь, во избежание разночтений, вернулся к оригиналу.

– Не беда! – энергично сказал Афанасьев, думая, что сегодня он неминуемо напьется. – Латынь я учил... В университете. Переведем. А если что, уважаемый Астарот Вельзевулович поможет.

– Да, да, – закивал переменчивый инфернал, – помогу.

Чувствуя, как в пальцах пульсирует, покалывая, кровь, Афанасьев развернул бумагу и стал читать, переводя прямо с листа. Нельзя сказать, что это получилось у него блестяще, однако же общими усилиями удалось обнародовать следующий примечательный перечень:

1. Верхушка посоха пророка Моисея.
2. Кинжал из бока Гая Юлия Цезаря, со свежей кровью.
3. Прядь волос Наполеона Бонапарта.
4. Трубка товарища Сталина, только что из употребления.
5. Фрагмент крайней плоти Нострадамуса.
6. Топор Авраама Линкольна.
7. Хвост коня хана Батыя.

Прочитав все это, Афанасьев медленно поднял голову и обвел взглядом всех присутствующих. Недоумение на лицах дионов можно было понять, поскольку такие персоналии, как Моисей, Наполеон, Сталин и прочие, были им совершенно неизвестны по понятным причинам: «сами мы не местные, здешних обычаев не ведаем». Впрочем, Колян Ковалев выглядел тоже диковато. Последний вынул из сейфа бутылку коньяка, налил себе полстакана и, подумав, что завязывает с выпивкой все равно с завтрашнего дня, заглотил коньяк и оглушительно крикнул.

– Нострадамус, блин, – провозгласил этот невежественный индивид. – Хреновня, едри меня в кадык! Ключи от мира... Какие же это ключи, это – отмычки какие-то, ежкин кот!

Эллер хмыкнул. Альдаир одарил Коляна тем взглядом, с каким его покойный родитель Зеурс, более известный на Земле как Зевс, метал молнии в перепуганных греческих язычников.

– Что значат сии словеса? – спросила Галлена.

– Очень просто, – засуетился Добродеев, – все очень просто. Тут дальше рукою самого босса было приписано: «Сложить в Сферу, которая воссияет на месте приземления первого человека, познавшего космос. Сфера та появится при приближении всех семи Ключей. И когда семь и одна...» Сфера, надо полагать, – быстро пояснил Добродеев. – «И когда семь и одна станут единым целым, то смирятся люди и власть над миром упадет в руки владыки».

– Бред, суший бред, – сказал Афанасьев. – Какие отмычки, какая сфера, к чертям собачьим!

– А вот не надо сопрягать мой народ с собачьим племенем, – обиделся Добродеев. – Я же не скрещиваю людей ну, например, со свиньями.

– А как же, если принять на веру этот документ, можно достать все эти вещи? – поинтересовался Афанасьев. – Если, скажем, с топором Линкольна, трубкой Сталина и с волосами Наполеона еще куда ни шло – можно достать в музее или в частных коллекциях, – то кинжал в крови Цезаря и тем паче хвост кобылы хана Батыя!.. С этим как?

– Мне другое непонятно и не вызывает доверия, – произнес Эллер, – неужели люди научились летать в мировой эфир, как сказано в этом документе? В таком случае они должны уподобиться богам.

– Ну почему же, – возразил Колян Ковалев, медленно оттаивающий от явления инфернала Добродеева народу, – вот ваш козел Тангриснир прилетел же из космоса, но ведь он же не бог, верно? Бог не стал бы жрать бампер от моего джипа. Его взяли, всунули в космический корабль, или как это у вас там называется, и напутствовали: лети, мол, козел. Вот и у нас примерно то же самое сказали Гагарину, когда запихали его в «Восток».

Все дионы воззрились на Коляна Ковалева. Единственный глаз почтенного Вотана Боровича подернулся дымкой и заалел, как предутреннее зарево. Ушлый Добродеев, обнаружив паузу в общении, тотчас же вклинился в нее. Конечно, не обошлось без пространного комментария:

– Уважаемые кандидаты в боги! Конечно, они вышли в космос. Я бы даже сказал – вылетели! Они теперь туда как на прогулку ходят, даже за деньги уже начали кататься. Был у меня один знакомый человек, он, правда, на четверть черт... бабка его согрешила в свое время с инферналом почтенного рода. Так вот, фамилия его была Белкин, по кличке Белка. Так этот Белка предлагал двадцать миллионов баксов, чтобы забить на орбите стрелку с конкурентами.

Дионы, незнакомые с историей покорения космоса, смолчали. Они не оценили шутки Добродеева.

Вотан угрюмо прокашлялся и завел занудным тягучим басом:

– Я не поверил бы тебе, черный человек, если бы не сегодняшний мой сон, в коем я узрел дорогу к истине. Я прошел эту дорогу, и вот что я обрел!

Обветренная костлявая клешня старого диона вынырнула из-под его одеяния. В руке он держал лист бумаги, в котором и Афанасьев, и Ковалев без труда признали обычную бумагу для факса.

Афанасьев протянул руку и почтительно произнес:

– Вотан Борович, разрешите взглянуть.

Тот поднял на беднягу единственный глаз, и в мозгу Афанасьева грянули колокола и посыпались осколки чего-то огромного и разбитого вдребезги. Факс старик вручил только Альдаиру. Впрочем, Коляну Ковалеву удалось заглянуть через плечо. Однако ничего существенного из этой подглядки он не вынес. На бумаге стояло несколько рядов непонятных корявых значков. Они напомнили Коляну его собственный почерк, каким он в молодости писал объяснительную в вытрезвителе.

Заглянувший вслед за ним в бумагу Афанасьев сморщил лоб. В корявых «вытрезвительных» значках он с некоторым усилием признал так называемые старшие руны.

– Черт побери! – пробормотал он, забыв о присутствии обиженного кандидата сатанинских наук Добродеева. – Не думал, что среди компьютерных шрифтов можно найти старшие руны, которыми писали примерно полторы тысячи лет тому назад в древней Скандинавии!.. А тут у них к тому же какой-то странный вид. Неужели это?..

Мыслям его не дали ходу. Старый Вотан захрипел, а потом прогремел, как долго не заводившийся, но еще могучий трактор «Беларусь»:

– Истинно сказано здесь! Ибо руны не могут лгать! – Непонятно, кто мог прислать факс с рунами полуторатысячелетней давности. К тому же могло стать, что руны того образца, что стояли в факсе, гораздо древнее. Именно это пришло в голову самому умному из присутствующих в офисе людей.

Однако Женя Афанасьев промолчал. Более того, он даже думать ни о чем не хотел, зная плачевную для него способность дионов проникать в черепную коробку. Только казалось Жене, что идея «Тео-банка», зароненная так здраво и так прагматично, давшая, казалось бы, первые всходы, теперь загнетса на корню. Загнетса...

Он оказался совершенно прав. Вотан воздел кверху обе руки и изрек:

– Сказано, и сбудется! Если нужен кинжал с кровью, то надлежит выдернуть его из бока еще теплого Цезаря! Если нужна трубка... э-э-э... Сталина, то надлежит взять ее прямо от уст его, согретую дыханием!

Афанасьев и Ковалев смотрели на жестикулирующего Вотана Боровича и чувствовали острую зависть к знакомому Коляна, который сидел в психиатрической клинике...

Глава пятая

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА, ИЛИ ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО!!!

1

– Кто такой этот Моисей? – спросил Эллер.

– Моисей, – проговорил Женя Афанасьев, косясь на ухмылявшегося за его спиной Добродеева (с отрастающей пышной шевелюрой), – это легендарный иудейский пророк, выведший еврейские племена из Египта. Историки установили, что исход евреев из Египта имел место примерно в тринадцатом веке до нашей эры, при Фараоне Рамсесе Втором.

– Пророк? – нахмурился Эллер. – А был ли у него посох?

Женя смутно помнил, что библейский Моисей чем-то там иссек родник из скалы. Не исключено, что и посохом. Потому он ответил утвердительно:

– Да, должен быть. Моисей по пустыне уже старенький ходил, нужно же ему было на что-то опираться. Если этот Моисей вообще существовал. Быть может, это собирательный образ. Древность все-таки.

Он чувствовал себя как на экзамене по истории Древнего мира. Неловко, что и говорить. К тому же с такой экзаменационной комиссией, как расхристанная компания из космоса, не приходилось надеяться на шпаргалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.